10 Června 1931. **Volné Kozáctvo** Ročník IV.

82

10-го июня 1931 г. 10-го червня 1931 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый РІК ВИДАННЯ 4-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Петр Закрепа: Хочу! (Chci!).
2. Вл. Куртин: На пепелище. (Na požáryští).
3. Людмила Костина: По темным улицам. (Po tmavých ulicích).
4. Д. Родионов: Молитва. (Modlitba).
5. В. Карпушкин: Тереку. (Tereku).
6. Борис Кундрюцков: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).

7. Пропаганда. (Propaganda).
8. П. И. Кокунько. (P. I. Kokuňko).
9. А. Ленивов: Задунайская Сич. (Zadunajská Sič).
10. Шамба Балинов: Чем было Казачество. (Čím bylo Kozáctvo).
11. Павел Кудинов: Восстание Верхне-Донцов в 1919 г. (Povstání Vrchné-Doncov r. 1919).
12. Ф. Воропинов: Ледоход. (Ledy jdou).
13. П. Ярмоленко: „На пополнение". (Na doplnění).
14. Санжа Балыков: Лама Менько Борманжинов. (Lama M. Bormanžinov).
15. М. Битинський: На увагу „еретикам". (V úvahu eretikům).
16. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
17. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
18. В Казакии. (V Kozákii).

Почтовый ящик.

Франция. — Е. — Исполнено. Привет.
Лион — А. Л. — Получено. Привет.
Германия. — А. Т. — Письмо г. Сопильняку перешлем, как только узнаем его адрес. Привет.
Нью-Йорк. — М. Ч. — Получено. Привет.
Париж. — Е. Я. — Пошлем. Привет.
Банат. — Г. А. — Получено. Привет.
Лион. — Т. Х. — Переслано. Привет.
Швейцария. — П. З. — Получено. Привет.
Франция. — Д. В. — Будет послано. Привет.
Югославия. — Д. Р. — Присылайте еще. Привет.
Канада. — М. Ф. — Исполнено.
Югославия. — К. Щ. — Получено. Привет.
Болгария. — И. Т. — Получено. Привет.
Югославия. — К. А. — Будет помещено. Привет.
Злин. — В. О. — Получено. Привет.
Бухарест. — С. М. — Получено. Привет.
Марсель. — И. Г. — Статья, о которой пишете, редакцией не получена.
Франция. — В. Г. — Журнал Вам посылается. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.
П. Апостолов. Скопље.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12. Bukarest V.
В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 58).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski", ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal №. 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).
M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B." Paray le Monial (Saone et Loire).
Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 27, rue Neuport, Monplaisir-Plaine. Lyon.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.
Т. Л. Ляхов. София, ул. Бачо-Киро, 52.
Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

Козацкая — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

Наш девиз — Казацкая воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazi 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 82 *Среда, 10 июня, 1931 — Середа, 10 червня, 1931.* *№ 82*

Петр Закрепа. (*Швейцария*).

ХОЧУ!

Из мертвых слов сковать звенящий спев,
И каждый звон вновь закалить в горниле,
И бросить вдаль, создав стальной напев
От прошлых дней давно забытой были;

Со дна сердец взбудить дерзаний сон;
Борений пыл вдохнуть в тщедушном теле,
Смиренных дум взмутить гнилой затон,
Замшелый челн сорвать с прибрежной мели!..

Безкрылью дать хочу возлетный взмах.
Пусть блеклых грез зареет путь бесследий:
Безгранна ширь в моих родных степях,
И ясен вклад доставшихся наследий.

Вл. Куртин. (*Югославия*).

На пепелище...

Ночь выдалась страшная. Бушевавший ветер перешел в ураган и немилосердно бросал тучами пыли в стены постаревших и ободранных хат станицы У.

В одной из таких хат, без крыши, с наспех околоченным из досок потолком, около мангала, на котором дымились несколько кусков кизяка, сидит старый казак Прохор Андреевич Скиба. Против него, на куче тряпок локтями опершись на мешок с кизеками, лежит мальчик лет 12-и. Около стены, на узкой лавке, покрытая дерюгою, лежит его мать, сноха Прохора Андреевича.

Старик молча ковыряет железным прутиком кизеки, а мальчик, подперев подбородок кулаками, не по детски задумчиво уставился в пук тряпок, которыми было закрыто окно.

Ветер дико свистел между непокрытыми стропилами, засыпая потолок пылью, а с потолка она холодным дождем сыпалась на сидящих у мангала деда и его внука.

В недалеком „свалочном“ овраге, переименнованом большевиками в „Казачий“, т. к. в нем обычно расстреливали казаков, что-то стонало, ухало, подвывало... Оттуда доносился то морозящий сатанинский смех, то звериный плач, то жуткая дробь пулеметов. Ветер взметал оттуда облака пыли, пепла и сора и бил ими в стены редких хибарок восточной части станицы. —

Дымно, пыльно, тоскливо в маленькой хатенке Прохора Андреевича, которую он слепил год тому назад, когда сельсовет выгнал его с семьей из его кирпичного дома. Тоскливость эту в эту ночь увеличивало до смертной тоски непрерывное дребезжанье задвижки на дверях. Дребезжанье это, точно голос Горя из сказки, неумолчно, торопливо, в диком унисоне с ветром пело современную колыбельную песню Казачества:

— Смертники... Смертники... Смертники...

Прохор Андреевич морщился, глубже втягивал голову в плечи, ниже склонялся над мангалом... Но мальчик, казалось, не слыхал ни яростных ударов бури, ни ее дикого воя, ни режущего скрежета задвижки...

Не замечал и пыли, что сыпалась с потолка на его непокрытую голову; не видал и деда, ни лежащей на лавке, больной лихорадкою матери... Ни всю эту жалкую собачью конуру, которую им после долгих просьб и могарычей, разрешил построить сельсовет... Куда-то далеко впивался его серьезный взор... Кого-то искал там. Кого-то просил, умолял и, будто не дождавшись ответа, или не найдя там того, кого искал, закрывался пленкой тоски, горького разочарования...

— Деда, деда, не обращаясь к деду и не переменив позы, начал вдруг мальчик.

— Деда, где мой отец?..

Старик от неожиданности дернулся; бросил прут, и, достав из мешка кизек, принялся разламывать его о колено.

— Где... тыщу раз говорил тебе: в Сербии. Для железной дороги тунель копает...

— Говорил — не то подтверждая, не то переспрашивая, подхватил мальчик.

— А вот сегодня меня из школы выгнали...

— Выгнали?.. Из школы?!. Отозвалась поднявшись на локтях мать, но сейчас-же опять запрокинула голову, заплакала.

— Говорят, попрежнему не обращаясь ни к кому продожал мальчик, что я, как сын классового неприятеля, не имею права учиться в трудшколе... А вот Мишка Портнягин, из комсомола, сказал мне, что совсем не за то меня выгнали, что мой отец классовый неприятель, а за то, что он — казак... Ты, мама, не

плачь за школой. Не знаешь ты чему нас там учат... Только, чем-же я виноват, что мой отец — казак... и продался буржуям... Ведь я его и не знаю...

— Так говорил же я тебе — в Сербии тунель...

— Знаю, знаю... А Мишка говорит, что в интервенции и что собирается воевать с нами. Деда, где эта интервенция? Правда ли, что собирается воевать с нами?..

От этого: „С нами“ у Прохоря Андреевича как-то заныло под ложечкой... Живо представился „Свалочный“ овраг... — Лучше-бы было, чтобы и я там... с другими... Окомунили мальчонка.

Не отвечает Прохор Андреевич внуку.

Больно резанула мысль, что Костя и взаправду не знает своего отца. Будто сейчас ясно почувствовал, как давно уж ушел Костин отец, а его сын; как давно он сам живет в вечном страхе ареста, ссылки или — расстрела... Вот и в конуру-то эту забился, чтоб „глаза не мозолить“, чтоб не выгнали совсем из родимой станицы. Не хочется ему уходить из родного края... Тут и старуха и младший сын закопаны... Тут и сослуживцы... А скольких уже выслали, неведомо куда?.. Во всей станице едва два-три десятка казаков осталось. Да и те не в своих хатах живут, а в таких-же хибарках, как и он...

Прохор Андреевич встал, заткнул плотнее окно тряпками, через кусочек уцелевшего в одном углу стекла посмотрел на улицу. —

— Гаша, а Гаша, подойдя к невестке тихо окликнул Прохор Андреевич.

— Пора-бы уже вечерю готовить. Костя-то поди голодный.

Гаша скинула с себя дерюгу, с трудом спустила ноги на пол, достала испод изголовья неуклюжие полстяные чирики.

— Бать, картошку достань.

Из сундучка, который вместе с ящиком и положенной на них ставней служили Прохору Андреевичу кроватью, он достал 5-6 картошек, а невестка, уместив чугунок на мангале, принялась их чистить.

По стенам попрежнему тарахтела пыль, попрежнему завывала буря и визжала задвижка...

— Деда, ты мне не сказал: будет ли папаня воевать с нами?..

То, что сейчас мальчуган сказал „папаня“, а не „отец“ и что голос его звучал много мягче, заставило Прохора Андреевича пристальней посмотреть на внука.

— Да ты, никак, плачешь?.. А сейчас говорил, что твой отец собирается воевать с нами...

— Дедушка, не я это говорю. Это они говорят... Прок-лятые!..

Очевидно долго сдерживающий слезы мальчуган истерично заплакал.

— Проклятые... Проклятые...

Мать повернулась к стенке, припала лбом к самой лавке, стиснула руками виски...

— Боже, Боже... Когда-же этому конец... Когда... Все ее согнутое тело конвульсивно подергивалось от жуткого нутряного плача...

— Когда?..

— Костя не плачь... Не плачь, Костя, тихонько гладя внука по голове говорит Прохор Андреевич. Не плачь...

А у самого голос срывается... Будто застряло что в горле.

— Не плачь, Костя... Не забыл нас твой отец... Вернется он. Опять заживем, как прежде... И еще лучше.. Не плачь...

Мальчик подтянулся на локтях до дедовского колена, уткнул голову.

— Расскажи, дедушка... Расскажи, как придет папаня...

— Будет это весной... Непременно весной, начал Прохор Андреевич, опять поковыривая прутиком кизяки и не мигая уставившись в покрасневшую глину мангала, точно в ней видел, как придет „папаня“...

— Зазеленеет травка. Зазеленеет лес... Не будем мы тогда сидеть в этой хате. Смастерю я удочки. Уйдем далеко-далеко вверх по Чамлыку... Балаган построим. Наловим рыбы... А мать нам ее сварит...

— Сваришь нам рыбу, Гаша?..

— Сварю, сварю, отвечает невестка, всыпав порезанную картошку в чугунок.

— Ну вот. Будем мы этак жить в нашем балагане, горя не знаючи. Отца поджидать... Вдруг слышим: бух, бух!.. Пушки палят... Выйдем мы на „шпинь“, а там — по всей горе — дым... А с горы на станицу ядра летят. Большие. Первое ядро прямо в сельсовет угодило...

— То-то забегают колхозники! Вскинув на деда мокрые от слез глаза радостно заметил Костя.

— Мы опять в балаган схоронимся...

— Я не схоронюсь: прямо к папане пойду!..

— Нельзя, сынок: не узнает тебя твой отец... Кто знает, кто это идет, подумает... Ну, будут это они бить, примерно, до полден. А потом, как гикнут по всему лесу!.. Мы на Чамлык, а по дороге — казаки!.. Вскачь!.. Шашки нагало!.. В черкесках. За плечами красные башлыки развеваются... Выбежим мы им навстречу. Заплачем от радости... Пришли!.. Родные наши... Пришли!.. А один казак посмотрит то на меня, то на мать, то на тебя... Соскочит с коня...

Бледное лицо Гаши от радостного волненья покрылось румянцем; руки нервно теребят край завески. А Костя и не дышет. Напружинился весь, будто готов одним прыжком вскочить на отцовского коня и помчаться вслед за казаками — бить комсомольцев...

— ... Соскочит это он с коня... посмотрит... да — бух мне в ноги... а мы все три — ему... Родной наш!..

Резкие, твердые удары в двери заставили вздрогнуть всю семью.

— Ветер, тихо, неуверенно прошептала Гаша.

Удары повторились. Все трое вскочили на ноги и со страхом уставились в двери.

— Отворяйте... вашу мать!..

Слабая дверь поддалась и, прежде чем Прохор Андреевич успел подойти, она разом отворилась во всю свою ширину, а в хату, с ветром и пылью, ворвались два коммуниста в длинных шинелях и в остроконечных шлемах.

— Руки вверх, — вашу мать! Почему не отворяли?..

Привыкшие к таким ночным посящениям Прохор Андреевич и Гаша покорно подняли руки.

— А ты что, змееныш?!. Цыкнул один на Костю, ударивши его штыком по руке.

— Ну?..

Костя, еще не разобравши, что явь — отец ли или этот коммунист с направленным на него штыком, поднял руки.

А коммунисты уже обшаривали деда и мать. Чугунок на мангане перевернулся и по хате пополз вонючий дым от шипящих кизяков.

— Затворите хоть двери, не опуская рук попросил Прохор Андреевич.

— Не нужно... хозяева придут.

Прохор Андреевич и Гаша переглянулись и — поняли все: высылка!..

Старший коммунист сел за стол, поставил перед собою фонарь, достал из кожаной торбы какие-то списки.

— Подойди сюда, старый чорт!.. Ты — Прохор Андреевич Скиба, бывший казак, да еще старший урядник?..

— Я, едва слышно ответил Прохор Андреевич.

— Твой дом и все индивидуальное имущество коллективизируется. Сейчас сюда придут прибывшие с севера трудбригадники...

— А мы? едва держась на ногах спрашивает Прохор Андреевич.

— Сперва в сельсовет. А там — скажут.

— Впрочем и тут написано. Ты и... и вот эта скважина, кивнул коммунист на Гашу, в Белозерский край, а мальчишка в Свердловскую трудколонию...

Не выдержали ноги Прохора Андреевича. Все его длинное, тощее тело дернулось в левую сторону, повелось немного и — обрушилось на пол. Голова запрокинулась через мангал, а на побагровевшем лице, неестественно широко открытый правый глаз, не мигая, уставился в редкие доски потолка... Вскрикнула Гаша, бросилась к деду...

— Что за комедия, скривив физиономию в презрительную гримасу, процедил старший коммунист. Ты, товарищ, отволоки старого в „Казачий“, а вы — собирайтесь! Да — живо!..

Накинула Гаша на Костю свою дерюгу, а сама, в чем была, так и пошла... В дверях остановились. —

— Куда-ж мы...

— Куда?... — На исправление! оскалив зубы, сострил старший коммунист.

— К ... матери, закончил другой, волоча Прохора Андреевича за ноги...

На улице попрежнему завывала буря...

Людмила Костина. *(Югославия).*

ПО ТЕМНЫМ УЛИЦАМ.

Иду, бездумная, по темным улицам;
Без цели мерные звучат шаги;
И только изредка еще волнуется
Остаток бурного на дне души...
Когда то близкие мечты угарные
Теперь потеряны в тяжелом сне.
И как то холодно... и цепь фонарная
Тускнеет, зябкая, в вечерней мгле.
Глаза усталые ни с кем не встретятся,
И странным кажется недавний плен...
И тени прошлого украдкой лепятся
На серых выступах угрюмых стен...
Возьмите ж боль мою, глухие улицы,
Разбейте тяжестью сырых камней!
Пусть незабвенное, хоть раз, забудется
В последнем шелесте осенних дней...

Д. Родионов. *(Югославия).*

МОЛИТВА.

Господи, Вольное Казачество — благослови;
В нашем деле нас всех укрепи;
Казаков здесь в изгнаньи сродни;
Перед боем в них веру вдохни;
Возродить Казакию нам помоги
Так, чтоб силу ее ощутили враги;
Ослепленных неправдою Ты исцели,
Чтобы истину снова они обрели.
Всех, забывших Отчизну, вновь к ней обрати,
Малодушным порыв возврати;
Там, на Родине сущих, спаси,
Дай им силу мученья снести;
Жизнь отдавших за веру и Волю,
В мире новом прими, упокой.
Нам, познавшим здесь горькую долю,
Счастье дай Край увидеть родной.

Виктор Карпушкин. *(Брно).*

ТЕРЕКУ.

В горах берешь свое начало,
Могучий — дивной красоты,
Вода твоя ясней кристала
И гордость наша, Терек, ты.
Как встарь и ныне песню баишь
О славе вольных казаков;
Как встарь, привет свой посылаешь
Потомкам храбрых гребенцов.
Пусть враг глумится над тобою,
Поправ столетий седину,
И топчет грязною ногою
Традиций вольных старину.
Но рокот волн твоих кудрявых
Я слышу в дальней стороне
И звуки песен, сердцу милых,
Летят в изгнание ко мне.
Крепись же Терек — друг родимый,
Нас много здесь и все с тобой,
Мы ждем лишь звук трубы призывной,
Чтоб жизнь отдать за Край родной.

Борис Кундрюцков.

ГИМН КАЗАКИИ. *)

Казакии вольной народы,
Сольемся в могучий поток, —
Пусть знаменем будет — Свобода,
Залогом — дедовский клинок.
Мы все — едины
Духом своим,
Непобедимы
Этим одним...

Родина наша привольна —
Нет ни рабов, ни князей,
Гнета тиранов довольно,
Звенья порвали цепей...
Мы все — едины
и т. д.

Станьте теснее плечом о плечо,
Стременем конный почувствуй соседа,
Слышите — сердце одно... Горячо
Верим, что с нами победа...
Мы все — едины...
Шлите Творцу же молитвы свои —
Пусть нас хранит от беды и напасти.
Сильной Отчизны покорны сыны
Богу и выборной Власти...
Мы все — едины...
Казакии вольной народы,
Сольемся в могучий поток,—
Пусть знаменем будет — Свобода,
Залогом — дедовский клинок.
Мы все — едины
Духом своим,
Непобедимы
Этим одним.

25-V-1931. Белград.

*) От ред. Помещаем проэкт гимна Казакии Б. Кундрюцкова. Редакция поместит все возможные проэкты. Потом, вероятно, придется такие проэкты подвергнуть разбору и выбрать наиболее удачный и подходящий.

Пропаганда.

II.

Нас интересует сейчас главным образом, как мы уже отметили, пропаганда политическая; необходимо рассмотреть и разобрать ее значение в жизни человеческого общества, ее цели и способы, какими она пользуется для внедрения в массы проводимых ею идей. Все, что сказано было прошлый раз относительно пропаганды вообще, относится в полной мере, если еще не в большей, и к пропаганде политической; она, как и всякая иная пропаганда, играет чрезвычайно большую роль при формировании идеологий народных масс, в выработке направлений и в указаниях тех путей, по которым движется человечество в своей исторической эволюции. Главным материалом, подлежащим обработке для политической пропаганды, является масса и основанием действий этой пропаганды в среде масс есть общая психология масс во всех особенностях, перечисленных в первой статье; также все технические способы воздействия на массу и все виды пропаганды, в зависимости от времени, места и обстановки, присущи пропаганде и политической.

Пропаганда политическая является проводником особого рода идей, проникающих собою человеческую общественную жизнь, производящую и свое название от греческого слова „полис“ — город, община, общество; занятие общественными делами и называлось в древней Греции „политикой“.

О роли и значении политических идей в общественной жизни человечества особенно распространяться не приходится; известно, что эти идеи во всевозможных оттенках затрагивают все виды общественной деятельности — муниципальной, государственной, организационной, экономической, социальной, государственной, национальной, получая, в зависимости от характера и сущности тех или иных идеологий, облеченных в специальных схемах-программах, соответствующую окраску; политика потому и бывает муниципальной, экономической, социальной, государственной, народной, международной, национальной, интернациональной и т. д. Руководство в организованной политической жизни принадлежит правительствам, общественным учреждениям и разным, основанным на какой либо специфической идеологии, группам, именуемым политическими партиями.

Тот общий род политики, который обнимает собою наиболее широкие интересы целой земли, отечества, народа, государства носит название политики патриотической. Безусловно, что каждая политика в стремлении внедрить свою идеологию в сознание и чувство массы и в необходимости подчинить их своему влиянию, пользуется, как наиболее верным и действительным орудием — пропагандой; лишь через посредство пропаганды и использование всех ее специфических особенностей, и приемов может возрости, утвердиться и распространиться в среде народной массы какая либо и политическая идея, может оформиться по известному плану (программе) массовое сознание, пробудиться активность чувства и может воспитаться воля к необходимому действию. Вот почему всякая политика пользуется так широко пропагандой во всех ее видах.

Переходя к вопросу о Казачестве, должно отметить, что, в зависимости от крайне тяжелого переживаемого Казачеством времени, и вся политика его в настоящем должна вращаться вокруг главнейшего и существеннейшего вопроса, наиболее полно затрагивающего его жизненные интересы, определяющего вообще его бытие. Такой политикой в настоящее время для Казачества может быть лишь политика патриотическая, защищающая все Казачество в целом, обнимающая собою все остальные политические вопросы, отстаивающая освобождение Казачества от всякого внешнего посягательства и долженствующая вести к полному освобождению, к созданию самодовлеющего казачьего государственного организма. Ясно, что в зависимости от таких высоких и исчерпывающих задач, диктуемых Казачеству настоящим временем и положением и составляющих содержание его современных жизненных стремлений и политической патриотической деятельности, и пропаганда казачья главным образом должна вестись по линии политической-патриотической.

Современное тяжелое положение Казачества, стоящего под угрозой полного уничтожения его сов. Россией при индиферентном отношении к его судьбе со стороны иных народов и государств, требует от самого Казачества напряжения всех своих сил и изыскания возможностей подать голос самому за себя, проявить свою волю; эти возможности можно и должно изыскать прежде всего во внешней и внутренней пропаганде своих заветных идей и своих конечных стремлений. И потому на свою собственную пропаганду, пропаганду казачью, патриотическую Казачество должно обратить весьма серьезное внимание. Освободительная патриотическая пропаганда Казачества должна быть неутомимой, интенсивной и убедительной. Свои задачи и стремления должны быть обозначены ясно, понятно и открыто; с внешней стороны должна быть использована всякая обстановка, к которой наша пропаганда могла бы с наибольшей выгодой для Казачества примениться. Как сама суть пропаганды, ее основания, особенности, способы и возможности воздействия, так и материал, масса, подлежащие ее обработке должны быть все время во внимании Казачества, в изучении, в учете. Лишь умелым использованием обстановки, условия, места и времени можно сделать свою пропаганду действительной и сильной и, в свою очередь, лишь

через пропаганду можно подготовить истинный путь к своему освобождению.

Современная политическая обстановка для Казачества действительно крайне неблагоприятна: Казачьи Земли и главная масса Казачества оккупированы и придавлены врагом; внедрение освободительных идей в массе казачьего населения родных Земель способом хорошо разработанной, плановой пропаганды почти исключено. Жестоким насилием, террором Казачество в родной своей стране лишено всякой возможности бороться с оккупантом способом какой либо пропаганды; само оно даже не может заявить о своих страданиях и насилиях, совершаемых над ним. Пропаганда внутренняя, концентрирующая силы Казачества внутри его самого в общей ненависти к врагу и к отрицанию его господства, ведется на казачьих землях, так сказать, путем „от противного"; само большевицкое насилие пропагандирует ненависть к нему. Таким образом, обстановка и время работают постепенно, но верно в пользу Казачества, но такая отрицательная пропаганда имеет то неудобство, что она крайне односторонняя; силы, возбуждаемые ею, способны формироваться скорее в линии деструктивного, чем конструктивного, созидательного направления; приобретая в своем размахе и развитии огромную мощь, силы эти в конечном результате могут быть все же лишены разумного плана действия; к тому же, такая „пропаганда" сопровождается всегда бесчисленными и тяжелыми кровавыми жертвами; и чем большее время господствует враг, тем больше требует себе жертв его господство; отдельные вспышки ненависти к себе со стороны побежденного, терзаемого народа поработитель имеет пока неограниченную возможность придушить; а общую, угрожающую себе опасность разростающейся ненависти, необ'единенной единым планом действия, противник может уничтожить уничтожением самого Казачества, к чему он неуклонно все время и стремится.

Таким образом, хотя, вследствие террора и грубого господства большевиков над Казачеством, само время и действует за Казачество, однако в это же самое время господство врага является страшной угрозой самому существованию Казачества. Казачество само должно быть активным и, не надеясь на отрицательную естественную пропаганду времени, сознательно вести пропаганду положительную, построенную на началах конструктивных, ясно формулирующих цели борьбы, направляющих волю к разумному действию. Казачество не должно никогда забывать, что враг у него не один; не одни лишь большевики, угнетающие сейчас его свободу, что „мессианистская" тенденция всякой России будет для Казачества постоянной угрозой со стороны тех, кто собирается занять и когда либо займет место большевицкой России. Казачество должно наперед предвидеть своих будущих врагов и своевременно принять меры к самозащите.

Такая подготовка Казачества может быть исполнена лишь способом глубоко продуманной, организованной конструктивной пропаганды уже теперь. Но такая положительная, расчитанная, созидательная пропаганда требует, естественно, хотя бы некоторой благоприятной обстановки и свободы действий. Дома такая обстановка и свобода являются совершенно исключенными, потому и соответствующей пропаганды там Казачество ни создать, ни развить ее не может — эти задачи ложатся необходимым бременем на плечи казачьей эмиграции, рассеянной по всему свету. Живя в свободных, культурных условиях многих государств Европы, казачья эмиграция имеет полную возможность исполнить свой патриотический долг; свое существование хотя и тяжелое в смысле материальном, но несравненно более благоприятное в смысле моральном, эмиграция должна оправдать перед родиной еще одной жертвой, возможной для нее, а именно — неустанной политической работой в пользу своих порабощенных братьев. Эта работа сводится, в конечном счете, к созданию и организации противовражеских сил, а создание этих сил, их укрепление и активизация достижимо лишь с помощью пропаганды. Поэтому казачья эмиграция должна использовать все возможности для своей собственной патриотической пропаганды; она должна использовать и все способы этой пропаганды, как посредственные, так и непосредственные, так и все виды ее, как пропаганды оборонительной, так и наступательной, как внутренней, так и внешней.

Практически, задачей оборонительной казачьей пропаганды, вполне понятно является разрушение лжи противников Казачества, отражение наступления на него со стороны врагов (иногда прикидывающихся и друзьями), преследующих свои собственные (иногда сокрытые) цели.

Целью пропаганды казачьей наступательной должно быть возможно большее и полное ознакомление с Казачеством как своих, так и чужих; ознакомление с его народными особенностями и достоинствами, с его историей, с его бытом, способом жизни, культурой, с его бывшим унизительным служебным положением в бывшей России и с настоящим порабощенным положением под властью красной Москвы. Но, главными своими пунктами наступательная казачья пропаганда должна иметь полное и ясное ознакомление с вековой борьбой Казачества за свою свободу, со своим освободительным движением во время недавней революции и, главнейшее, стараться внедрить, утвердить в своем и чужом сознании ясные, отчетливые, логически обоснованные цели борьбы и освободительные идеи.

Внутренняя казачья пропаганда возможна пока лишь в своей же казачьей эмигрантской среде, но если бы и среди казачьей массы в эмиграции пропаганда казачьих освободительных идей была действительно сильной, полной

и действенной, способной соединить всю казачью эмиграцию в один монолит, проникнутый одной мыслью, одним чувством, одной непреклонной волей к борьбе за освобождение, то уже и такая пропаганда в настоящих условиях вполне бы оправдала себя.

Казачья пропаганда внешняя должна быть обращена к чужим — друзьям, нейтральным и противникам; главной ее целью должно быть ознакомление чужих с Казачеством, разрушение лжи и предрассудков в адрес Казачества и привитие привычки смотреть на Казачество как на самодовлеющий, ценный историко-социологический организм, преисполненный жизненных сил и могучей воли к свободному проявлению себя в среде иных народов.

Способами интенсивной, настойчивой и широкой внешней пропаганды Казачество получит возможность приобретать себе необходимых друзей по всему белу свету, а друзья и благожелатели, даже хотя бы только сочувствующие и понимающие, всегда могут быть полезны в трудном казачьем деле.

Наконец, казачья эмиграция должна себе ясно представлять и общий характер и суть своих собственных освободительных идей, ясно осознавать характер своих стремлений, а соответственно этому знать характер, схему, план и главные ударные точки и в своей пропаганде этих идей и стремлений.

И поскольку, как мы уже упоминали несколько раз, главной и наибольшей целью Казачества есть в настоящее время стремление к достижению освобождения, — главной идеей, вдохновляющей казачью политическую мысль в эмиграции, есть идея освобождения. Тем самым определяется и характер казачьей патриотической, политической пропаганды, как пропаганды казачьей свободы.

Если Казачество пришло уже к сознанию необходимости пропаганды своей свободы, то эта свобода должна быть полная, ничем не ограниченная. Никакие идеи казачьих политических групп, за исключением Вольного Казачества, не могут раскрыть полной и ясной картины такой свободы, — ни автономисты, сторонники казачьего самоуправления, ни федералисты, мыслящие Казачество в границах федеративной России, ни так называемые „самостийники“ „впредь до“... не могут обосновать в своих политических схемах и программах этой полной свободы. Одно лишь Вольное Казачество, продумавшее и осознавшее пути казачьего освобождения до конца, уразумевшее смысл казачьей борьбы, имеющее перед собою задачу полного и совершенного освобождения, выражающегося в независимом, суверенном государственном существовании Казакии, выдвинуло свою освободительную программу, как программу-максимум казачьей свободы. И потому, конкретно, пропаганда казачьей свободы сводится, в сущности, к пропаганде освободительных идей Вольного Казачества, сказавшего свое последнее слово в понимании и представлении этой свободы, сказавшего свое понимание решения казачьего вопроса, как осуществление независимого государственного бытия Казачества, как высшей формы свободы, организованной общественно-политической жизни современного человечества.

Петр Иванович Кокунько.

(*К его восьмидесятилетию*).

23 июня (10 июня по ст. ст.) исполняется 80 лет Петру Ивановичу Кокунько.

В трудных условиях эмиграции приходится отмечать нам этот юбилей. При других условиях, на Кубани такой юбилей кубанские казаки отпраздновали бы иначе. И этого „иначе“ старий чорноморець, от которого еще отдает всем обаянием степного запорожья, который через всю вторую половину прошлого столетия, типичным представителем которого он является, передает нам связь первых сынов Запорожья на Кубани, — этот лучший казак, лучший сын своего народа заслужил по праву. Будем надеяться, что 85-летний юбилей Петра Ивановича все мы отпразднуем с ним дома, по козачому, як тому і полагається.

Мы знаем, что П. И. не любит, когда о нем говорят. Вероятно и за то, что будет здесь написано, он будет сердиться на нас. Но, — пусть простит нас П. И. — 80 лет его жизни — не только же его „частное дело“...

Признаемся наперед еще и в том, что настоящие строки — бесконечно мало по сравнению с тем, чего П. И. заслуживает. Но, — от самого П. И. нам почти ничего не удалось добиться, что касается его жизни и деятельности; старые деды, которые много могли бы рассказать нам о нем, остались дома, да и вряд ли кто из них выжил в железных лапах красных оккупантов до настоящего времени, а мы, кто в два или три раза моложе П. И., оторванные от родной земли и раскиданные по всему свету — что мы знаем о нем!

Генерального Штаба генерал-лейтенант Петр Иванович Кокунько, казак станицы Новодеревянковской, Ейского отдела, родился (10 июня 1851 г. по ст. ст.) и вырос в станице Должанской (на берегу Азовского моря), где его отец имел рыбные промыслы. Последние десять лет перед революцией, будучи Атаманом Ейского отдела, жил в ст. Уманской.

По окончании курса Кубанской Войсковой гимназии в 1870 году, чтобы избежать расходов на поездку в Петербург, благодаря стараниям тогдашнего старшего адьютанта Наказного Атамана Архипа Даниловича Киящко (сослуживца его отца), а также и некоторому покровительству самого Наказного Атамана (Цакни) Петр Иванович получает командировку в Николаевское кавалерийское училище, или, как оно тогда называлось, школу гвардейских подпрапорщиков. Но пробыл он там всего месяц, оставил ее (тогда это можно было делать и многие пользовались этим) и поступил в университет на юридический факультет. В 1871 году, оставив университет, поступил в Технологический институт (на химическое отделение). Здесь П. И. дошел до третьего курса, но в 1875 г. был принужден (не по своей воле!) оставить и его вследствие больших беспорядков среди тогдашнего петербургского студенчества.

Спустя год, П. И. поступил в 3-е Военное Александровское училище в Москве, которое и окончил в 1878 году, а через шесть лет поступил в Николаевскую Академию Генерального Штаба, которую окончил в 1896 году. Эти шесть лет между училищем и Академией —

прослужил в Ставропольском юнкерском училище младшим офицером и преподавателем истории и военно-инженерного искусства.

Не будем касаться здесь военной службы Петра Ивановича. Эту часть могли бы описать (и, вероятно, они это сделают) его сослуживцы. Коснемся только (и то весьма кратко) характеристики П. И. как Атамана Ейского отдела (словами одного из его сослуживцев). Это, говорит этот сослуживец о П. И., — казак старого закала, который придавал значение существу дела, а не форме. Ценил он людей не по чинам и орденам, а по личным качествам. Сам он — человек идеальной честности и прямоты; он старался, по возможности, подыскивать себе хотя приблизительно таких же и сослуживцев. Перед начальством не заискивал и не любил этого заискивания и среди своих подчиненных. Зная отлично жизнь казака, его материальное положение, его громадное напряжение при справке на службу, он, при командировке молодых казаков в первоочередные части, старался елико возможно избегать браковки как обмундирования и снаряжения, так и лошадей. При об'езде станиц, между прочим, обращал внимание на подворное коневодство, чтобы избавить казака от затраты на покупку коня, а приучить его любить свою, самим вырощенную лошадь... Провинившихся атаманов и других должностных лиц станичной администрации „пробирал" „по батьківські", а не так, как это делал перед ним Черник...

Ген. П. И. КОКУНЬКО.

Наступил 1917 год. Осенью (с 29 сентября по 11 октября по ст. ст.) собралась первая Кубанская Рада. Эта Рада принимает первую Кубанскую Конституцию, устанавливающую на Кубани свою власть волею своего народа (Рада, Атаман, Правительство). Всероссийское Вр. правительство присылает на Кубань трех своих комиссаров, чтобы „убедить" Раду принятую ею Конституцию не вводить непосредственно в действие, а раньше представить ее на утверждение „законной Всероссийской власти". Такое домогательство Русского Правительства не встретило у Рады хорошего приема. Возник спор, в результате которого Рада постановила не представлять „на утверждение" принятой ею Конституции никому, а ввести ее в действие немедленно явочным (т. е. революционным) порядком. Среди других, и член Рады Петр Иванович Кокунько положил свою весьма ощутительную долю влияния на ту чашку весов, на которой решалась судьба Конституции в интересах и пользу Кубани. Не стеснявшийся при царях говорить правду в глаза всяким „высоким особам", П. И. не постеснялся сказать ее и представителям русского революционного правительства.

Когда в начале 1920 года начала выясняться неизбежность катастрофы, Кубанское Правительство решило вывезти заграницу исторические регалии Черноморского, Линейного и Кубанского казачьих Войск. Во главе особой пятичленной делегации для сопровождения и хранения регалий был поставлен Петр Иванович Кокунько.

П. И. с честью выполняет возложенное на него историей поручение и мы не сомневаемся, что он не только сохранит порученное ему достояние Кубанского Казачества, но в сохранности и исправности довезет его снова туда, откуда вывез.

Несмотря на свои 80 лет, П. И., исполняя со всей присущей ему добросовестностью свое непосредственное задание, не бросает и другой работы на благо родного ему Казачества. В частности, его очерки из „Нашего прошлого", печатающиеся в „В. К." (как и другая литературная работа) обратили на их автора внимание не только кубанского, но и другого казачества. И мы уверены, что выразим всеобщее настроение казачьей эмиграции, если от лица всех казаков пожелаем сегодняшнему нашему юбиляру побольше сил и здоровья для продолжения его плодотворной деятельности. Пусть его силы физические будут так же крепки и неутомимы, как крепок и бодр его казачий дух.

А. Ленивов.

Задунайская Сич.

(Исторический очерк).

5 июня 1775 года — дата страшного разгрома Запорожской Сичи русскими регулярными войсками под командой ген. Текели (выходец из сербов) и князя Прозоровского. Екатерина II в своем рескрипте от 3 августа 1775 года, об'являла „Сечь Запорожская в конец уже разрушена с истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков". И было так, Сечь Запорожская разрушена, Кошевой Атаман Кальнишевский с своими ближайшими сотрудниками — заключены в монастырских тюрьмах, большинство казачьей старшины подвергнуто аресту, о простых-же казаках и говорить приходится мало, ибо они поголовно были „расказачены" и обращены в податное сословие...

И все-же, несмотря на это, сохранялось впредь и наименование Запорожских казаков, продолжала существовать и Сич, но где и как!..

В вечер 5 июня 1775 года (день разрушения Запорожской Сичи), 5000 Запорожских казаков, отказавшись сдаться русским войскам, избрали себе Кошевым Атаманом Ляха, оставили скрытным образом Сич и пошли — кто „суходолом", кто в чайках по Днепру, направляясь к р. Бугу, пограничной реке тогда между Россией и Турцией. Перейдя р. Буг, Запорожцы разбили стан и расположились около г. Аккермана, восстановив при этом старую куренную организацию Запорожской Сичи в составе следующих куреней:

1) Батуринский, 2) Брюховецкий, 3) Васюринский, 4) Величковский, 5) Вышестеблиевский, 6) Деревянковский, 7) Динской, 8) Джерелиевский, 9) Дедьковский, 10) Ивановский, 11) Ирклиевский, 12) Калниболотский, 13) Канивской, 14) Кисляковский, 15) Канеловский, 16) Кореновский, 17) Корсунский, 18) Крыловский, 19) Кущевский, 20) Леушковский, 21) Медведовский, 22) Минской, 23) Мышастовский, 24) Незамаевский, 25) Нижестеблиевский, 26) Пашковский, 27) Переяславский, 28) Пластуновский, 29) Платнировский, 30) Полтавский, 31) Поповический, 32) Роговской, 33) Сергиевский, 34) Тимошев-

ский, 35) Титаровский, 36) Уманский, 37) Шкуринский и 38) Щербиновский.

Собрав Раду, Запорожцы выбрали делегацию и послали ее к турецкому султану, с просьбой принять их под свою руку и отвести им земли для поселения. Султан с нескрываемым удовольствием принял предложение Запорожцев и отвел им земли под Сич на острове Св. Георгия, образуемом рукавами Сулинским и Китирлевским, а также и степь на южной протоке Дуная возле лимана Разина; кроме того, он разрешил им селиться по всем рекам и лиманам от Очакова до Дуная. Делегация от имени Запорожцев присягнула на верность султану и с этого момента началось расселение Запорожцев на отведенных им землях. Проплыв на своих чайках по Георгиевскому рукаву р. Дуная (Гедриле—Багази) до крепости Браилово, Запорожцы произвели высадку на берег и начали расселяться в Буджацком Санжаке.

Касаясь вопроса определения взаимоотношений между турецким султаном и Запорожцами, необходимо отметить, что султан сохранил за последними в полной неприкосновенности все их вольности, нисколько не вмешиваясь в будущем во внутренний распорядок их жизни: мало того, что он отвел им земли, богатые как своим плодородием, так и минеральными богатствами; он даровал им также и право на рыбную ловлю и охоту в Дунайских гирлах. Взамен этого, Запорожцы были обязаны охранять границу Турции с Россией, проходившую по р. Бугу, а также и выставлять 1000 казаков по первому султанскому фирману (приказу).

Далеко не все Запорожцы из числа ушедших с Ляхом из Сичи, перешли за р. Дунай в Буджацкий Санжак, часть их и при том довольно значительная (около 800 человек) осталась в Тилигуле около Одессы, поставив себе курени на Пересыпе.

Турецкий султан пожаловал всему Запорожскому Кошу Войсковые регалии, как-то: булаву, бунчуки, печать и знамя, освященное Константинопольским патриархом. На одной стороне знамени был изображен серебряный полумесяц, на другой золотой крест. Таким образом, благодаря пожалованию султаном новых регалий, значительно увеличилось число Войсковых регалий и клейнодов, вывезенных Ляхом из Сичи. Сам Кошевой Атаман Лях получил от султана в знак его расположения, ятаган в золотых ножнах, украшенный драгоценными камнями, а также и звание двухбунчужного паши, будучи уравнен в своих правах с господарями Валахии и Молдавии, находившимися в вассальной зависимости от турецкого султана.

Итак, Запорожские казаки ставшие станом у г. Аккермана, перешли на остров Св. Георгия, отведенный султаном и образовали Новую Сич, известную в истории под именем Задунайской Сичи.

Земли предоставленные султаном Запорожцам для расселения, были почти пустынны и безлюдны, обитавшие в этих местах татары, частью переселились на Кубань в Ногаи, частью разбежались во-время войны 1769—1775 гг. Задунайская Сич, получив право жить по своим обычаям, иметь свое внутреннее устройство и быт, плюс к тому-же еще и возможность вести богатую привольную жизнь, явилась своеобразной „Меккой и Мединой" для Запорожцев, оставшихся в России и „Высочайшей властью" расказаченных и превращенных в крепостных крестьян. Через каких-нибудь три года состав Задунайской Сичи значительно возрос в своем числе, благодаря постоянному притоку б. Запорожцев из России.

Российское правительство, осознав весьма скоро свою ошибку в отношении уничтожения Запорожской Сичи, уже с 1778 года начало зазывать Запорожцев из-за Дуная, но казаки не шли, ибо им было отлично известно, что на землях Запорожья введено крепостное право и многие из Запорожцев, оставшихся там на местах, или были обращены в крепостных (кріпаків) или попросту были зачислены в русские регулярные войска, главным образом в пикинерные или гусарские полки. Задунайские Запорожцы не верили ни в широковещательные манифесты Екатерины II, ни в письма Потемкина, приглашавшие их возвращаться в Россию, между тем как о сохранении казачьих вольностей и прав ничего не говорилось. Турецкий султан всячески отстаивал Задунайских Запорожцев и когда Екатерина II в 1779 году пред'явила Турции ультиматум с требованием выдачи Запорожцев, то султан ответил на это категорическим отказом.

Об этом случае казаки, пребывавшие за Дунаем, говорили так:

„Ой пише москаль та до кошового — а йдіть до мене жити,
Ой я дам землю та по прежньому — а по Дністер границю, —
Ой брешеш, брешеш ти вражий москалю — а ти хочеш обманити,
Ой як підемо ми у твою землю, ты будеш лоб голити".

Полковник Чепига (Захарий Алесеевич) и Билый (Сидор Игнатьевич), первые Кошевые Атаманы „Войска Верных казаков Черноморских" (в период 1787—1797 гг.) не раз ездили за Буг уговаривать Задунайских Запорожцев вернуться в Россию: старания их, однако, большей частью шли прахом и лишь небольшая часть Задунайцев пришла к Билому в Прогной. Русское правительство, потерпев полнейшую неудачу в переговорах с Турцией касательно выдачи Задунайских Запорожцев, тем не менее не оставило своих домогательств и начало усиленно требовать переселения Задунайцев вглубь страны, мотивируя свое требование тем, что они совершают набеги в пределы России. Не желая создавать на этой почве неприятного конфликта с Россией, султан приказал Задунайским Запорожцам оставить территорию, прилежащую к р. Бугу, и поселиться на землях, которые несколько ранее этого времени были дарованы им во владение Великого Войска Кубанского, эмигрировавшего с Кубани под давлением русских войск в 1783 году.

Обстоятельства предшествовавшие переселению кубанских казаков в пределы турецкой Добруджи — следующие: 1777 год — начало усиления русского влияния в Кубанском Крае, 1781—1783 гг. Закубанский поход Суворова и, как завершение такового, манифест Екатерины II от 8 мая 1783 г., провозглашавший присоединение Кубани и Крыма к России. Великое Войско Кубанское, считая себя подданым Турции, покинуло насиженные места и в полном составе ушло в закубанскую сторону, каковая в эти времена принадлежала Турции. Отойдя за р. Кубань, кубанские казаки осели около г. Анапы на землях Черкесов-Абадзехов, расположенных между р. Запы и Черным морем. Не задерживаясь здесь долго, Войско Кубанское, собравшись в Круг, принимает решение об уходе в Малую Азию (к берегам Анатолии): в исполнение этого 18 сентября 1783 года от Черноморского побережья, что у г. Анапы, отошел флот Великого Войска Кубанского в составе 1 струга, 4 думбасов и 112 чаек, с погрузившимися на них 6 с половиной тысячами кубанских казаков, направляясь к берегам Малой Азии. Морской переход через Черное море завершился благополучной высадкой части кубанцев на берег у г. Трапезунда и другой менее значительной части у г. Синопа. Однако, на новых местах кубанцам не приходится долго засиживаться, ибо вспыхнувшая эпидемия азиатской чумы, заставляет их вновь подняться и, сев в свои утлые чайки, вторично переплыть Черное море в диаметрально-противоположном направлении. Вторичный поход Кубанского флота через Черное море проходит также без особых злоключений и завершается благополучной высадкой на сушу, причем Великое Войско Кубанское располагается станом около слободы Чобруш, что в 80 верстах от г. Овидиополя на р. Днестре. Параллельно с этим следует отметить, что часть кубанских казаков (около 1000 чел.) из высадившихся на побережье у г. Синопа, осев окончательно на землю около пос. Чершамба (пригород Синопа), отказалась идти вторично в поход через Черное море и осталась в Анатолии, оторвавшись таким образом от главного ядра войска. Потомки этой группы кубанских казаков проживают и поныне в Синопском районе в селении Кизил-Ермак и известны у местного населения под прозвищем Джилал-Казак. Остается прибавить, что они совершенно отуречившись, забыли свой родной язык, обычаи и ве-

ру. Осев на р. Днестре, кубанские казаки тем не менее должны были и в третий раз сорваться с места и идти искать новые палестины, ибо земли, расположенные по течению р. Днестра и принадлежавшие Турции, в 1784 году отошли во владение России. Тут небезинтересно указать, что три года спустя, в этих-же самых местах, где пребывало эмигрировавшее с Кубани Великое Войско Кубанское, Потемкин образовал из Запорожцев остававшихся в России „Войско Верных казаков", которое, будучи поселено на Кубани в промежуток 1793—94 гг., получило наименование Черноморского казачьего Войска, заняло ту-же самую территорию, на которой перед этим сидело в течение семидесяти с лишком лет и Великое Войско Кубанское.

Странная игра судьбы! Старые и новые кубанцы...

Великое Войско Кубанское, пустившись в третий раз в морской путь по Черному морю, высадилось в турецкой Добрудже, где и расселилось на землях, отведенных им турецким султаном в непосредственной близости от Задунайской Сичи, расположенной в гирлах р. Дуная, как на острове Св. Георгия, так по берегам Георгиевского, Китирливского и Сулинского рукавов: земли дарованные Великому Войску Кубанскому турецким султаном, находились в районе р. Дунаевца и озера Россельм. Первое время пришедшие кубанцы и Задунайские Запорожцы жили между собой мирно, но потом с течением времени взаимоотношения их стали обостряться и в скором времени дошли до того, что разыгравшиеся распри привели их к форменной междуусобной войне. В конце 1785 года, кубанские казаки, воспользовавшись временем, когда в Задунайской Сичи было мало Запорожцев, произвели нападение на них, перебили их и Сич сожгли. Задунайские Запорожцы, не желая оставаться в долгу, начали готовиться к ответному нападению на кубанцев, каковое им, однако, не удалось провести в жизнь, ибо султан получив сведения о их военных приготовлениях, повелел им оставить насиженные места и перейти в Сеймены (местность между Силистрией и Рущуком). Этим собственно и заканчивается первая фаза междуусобной борьбы начавшейся между кубанскими казаками с одной стороны, и Задунайскими Запорожцами с другой.

Последние, недовольные султанским решеннием, обратились с петицией к австрийскому императору Иосифу II,*) прося их принять под свою руку и разрешить им поселиться на территории империи. Со стороны Иосифа II почти тотчас-же последовал благоприятный ответ, ибо слава Запорожских казаков была известна всей Европе. Концом 1785 года около 8000 тысяч Задунайских Запорожцев, преимущественно холостых, оставили пределы турецкой Добруджи и переселились в Венгрию, где им австрийское правительство отвело земли, расположенные в провинциях Бечке и Банате, на р. Тиссе, между городами Земуном, Панчево и Сеита. Поселившись в Венгрии, они (Запорожцы) получили от Иосифа II право на полное самоуправление (с сохранением своего казачьего права, суда, обычаев и внутреннего устройства быта), обязавшись взамен этого выставлять в распоряжение австрийского правительства — вооруженную силу, именно конницу и речную флотилию. В русско-турецкую войну 1787—1791 гг. принимала участие и Австрия со стороны которой выступали на поле брани и Запорожцы, поселившиеся в долине р. Тиссы.

Недолго, однако, пробыли Задунайцы в Австро-Венгрии; отчужденность от своих братьев-казаков, находившихся в турецкой Добрудже, суровый австрийский режим и полнейшая неприспособляемость к нему матерых сичевиков, отсутствие земельного простора и т. д., все это вместе взятое имело решающее значение в смысле того, что Запорожцы в период 1804—1805 гг. покинули пределы Австрии и возвратились обратно в Задунайскую Сич. Остается указать, что и в этом последнем случае, часть Запорожцев не вернулась в Сич, а прямо из Австрии прошла через Венецию на остров Мальту, где и вошла в состав Ордена Мальтийских рыцарей, капитул организации коего весьма уподоблялся внутреннему распорядку быта Запорожских казаков.

*) Царствовал с 1780 по 1790 гг.

Между тем приток Запорожских казаков (беглецов из России) в Задунайскую Сич не прекращался и достиг максимальной цифры в 1785 году, когда в Задунайскую Сич перебежало сразу несколько тысяч казаков из Украины.

В наступившую русско-турецкую войну (1787—1791 гг.) со стороны турок выступили и Задунайские Запорожцы в количестве 4000 человек под главенством Походного Атамана Грицько или по турецки Абдуллы-паши. Во время этой войны Задунайцам неоднократно приходилось встречаться в боях с „Войском Верных казаков", образованным из Запорожцев, оставшихся в России: как те так и другие избегали кровопролития, проще говоря „дурили москаля". Во-время боев под Очаковым (7-VII—16-VII—7-X 1787 г.) Задунайские Запорожцы было призадумались над тем не пора-ли им перекинуться от турок на русскую сторону, где как им приходилось слышать, Екатерина II якобы по настоянию Потемкина возродила казачьи вольности. Эта мысль настолько была сильна, что они даже пригласили к себе Чепигу для переговоров, кончившихся в конечном итоге ничем, тем более, что к ним массами стали перебегать спустя некоторое время и казаки Черноморского Войска (Войска Верных казаков), поставленных после взятия Очакова на крайне тяжелые работы по очистке Бугского лимана от льда. Эта тяга к Задунайцам еще более усилилась в 1790 г., когда Черноморцы были определены на работы по поднятию затопленных морских судов и извлечению из них орудий, ядер и т. д.

Истории известен и тот случай, когда Черноморское Войско почти в полном составе готовилось перекинуться в Добруджу для присоединения к Задунайской Сичи: относится это дело к 1792 году, когда был издан указ Екатерины II о том, что земли, данные Черноморскому Войску Потемкиным и расположенные между Днестром и Бугом и на Кинбурской косе. отбираются у Войска и включаются в состав Екатеринославской губернии. И только домогательства Головатого имели своим результатом то, что Екатерина II аннулировала обнародованный указ — изданием другого указа, именно от 30 июня 1792 года, по которому Черноморцам определялось в вечное владение „остров Фанагорию со всею землею, лежащей на правой стороне реки Кубани, от устья ее к Усть-Лабинскому редуту, так чтобы с одной стороны река Кубань, с другой-же Азовское море до Ейского городка служили границей войсковой земли". Это обстоятельство и сыграло решающую роль в том, что Черноморское казачье Войско переселилось из Новороссийского Края на Кубань, а не ушло в Добруджу к Задунайским Запорожцам. И все-же и после этого тяга в Задунайскую Сич со стороны Черноморских казаков продолжалась и впредь, особенно-же после подавления т. н. „Персидского бунта", когда сотни Черноморских казаков были приговорены к смертной казни, а другие еще до суда попросту умерли в тюрьме. Впечатление от такого произвола русского правительства в отношении казаков и явилось главным фактором воздействия на умы и настроения Задунайских Запорожцев в смысле проявления резко отрицательного отношения к предложению русского правительства возвратиться в Россию.

В 1806 году вспыхнула война между Россией и Турцией, продолжавшаяся до 1812 года. В этой войне приняли участие и Задунайские Запорожцы, которые, однако, воевали весьма неохотно, при всякой возможности избегали боя и сдавались в плен: русское правительство всех этих пленных отправило в Сибирь, а по окончании войны возвратило в Турцию.

Во время этой войны (1806—1812 гг.), командующий русской армией на Дунае генерал Михельсон (один из усмирителей Пугачевского бунта) прислал в Задунайскую Сич „открытый пригласительный лист" с предложением Задунайским Запорожцам переходить в русский стан. Двое старшин, Губа Иван и Бучинский Федор, решив передаться на русскую сторону, повели агитацию в пользу принятия предложения Михельсона, которая, надо сказать, имело известный успех, ибо до 500 Задунайских Запорожцев присоединилось к ним. С подходом русских войск к крепости Измаилу, Губа и

Бучинский вышли навстречу первым и присоединились к ним. Указом от 20 февраля 1807 года из них было образовано Усть-Дунайское Буджацкое войско, просуществовавшее до 1811 года, в каковом году оно было расформировано и часть казаков была переселена на Кубань и включена в состав Черноморского казачьего Войска, куда были переданы и войсковые клейноды, бунчук, пернач, печать и хоругви. Другая-же часть казаков Усть-Дунайского Буджацкого Войска, будучи оставлена на местах, подверглась расказачиванию и была обращена в казенных поселян с поселением в Бессарабии.

С разгромом Задунайской Сичи казаками Великого Войска Кубанского в 1785 году, турецкий султан приказал (как нами было указано выше) Задунайским Запорожцам перейти в Сеймены (местность между Силистрией и Рущуком) во избежание дальнейших осложнений между ними и кубанскими казаками. Прибыв в Сеймены (на Дунае), Запорожцы устроили здесь снова Сич (по образцу Запорожской Сичи на о. Хортице) и пробыли в этой местности ровно до 1812 года. Удаленность от родины, относительная затрудненость связи с ней, запрещение производить рыбную ловлю и т. д., естественно им не понравилось и они (Задунайские Запорожцы) уже в 1812 году перенесли Сич из Сеймен в Китерлез, лежащий на берегу Черного моря.

С началом 1811 года начинается вторая фаза междуусобной войны между Задунайскими Запорожцами и кубанскими казаками. Первые, значительно усилившись за счет постоянно перебегающих из России старых Запорожцев, а также и за счет возвратившихся из Австрии Задунайцев, завязали войну с кубанскими казаками, стремясь отбить у них земли, принадлежавшие им ранее. Упорная кровавая борьба между ними длилась почти два с половиной года и закончилась полной победой Задунайских Запорожцев, отбивших у кубанцев Дунаевец в котором они и основали снова Сич, которая и простояла на этом месте вплоть до 1828 года. Великое Войско Кубанское после поражения, нанесенного им Задунайскими Запорожцами, перестало существовать, как войсковая организация: часть кубанских казаков осталась на местах в турецкой Добрудже, другая-же, большая часть пересилилась в Малую Азию.

Задунайские Запорожцы, обосновавшись в Дунаевце, в значительной степени реорганизовали существовавшую до этого времени войсковую организацию. В частности помимо имевшейся куренной организации, Задунайская Сич по постановлению Войсковой Рады была поделена на 8 паланок (округов), существовавших и в старой Запорожской Сичи, именно — Бугоргардевская, Ингульская, Кодацкая, Орельская, Прогнойская, Протовганская, Калмиусская и Самарская паланки. Задунайская Сич блюдя и сохраняя все традиции старой Сичи, жила своим независимым вольным житьем, где все были равны между собой и где каждый обездоленный мог найти и ласку, и пристанище, и радушие. В Задунайской Сичи вся старшина была избираема Войсковой Радой, как Кошевой Атаман, Войсковой Судья (он же и казначей), Войсковой Писарь и Войсковой Есаул (нынешний чиновник особых поручений), и Войсковой Обозный (интендант), и бунчужный, и хорунжий, и толмач (переводчик), и кантаржий, и шафар и т. д. В куренях были атаманы и хорунжие, в паланках полковники, есаулы и писаря.

В период обратного захвата Дунаевца, Кошевым Атаманом Задунайской Сичи являлся Самойло Калниболотский, при котором во внутреннюю жизнь сичевиков вошел и семейный уклад. Этому обстоятельству много способствовало и то, что из Украины в Задунайскую Сич бежали не только бывшие Запорожцы, но и все те, кому не по душе был порядок, заведенный русским правительством на землях Запорожья и Украины, и эти-то беглецы, в большинстве случаев женатые, приводили в Задунайскую Сич и своих жен. По старым обычаям, Задунайские Запорожцы не пускали женатых в Сич, предоставляя им однако право селиться в окрестностях последней. Мало по малу в Задунайской Сичи возникли села, населенные исключительно женатыми казаками, называвшимися на местном жаргоне „райя". Такими местами поселений женатых казаков явились следующие села: Беш-Тепе, Иванча, Кара-Ормен, Китирлез, Райя биля озера Кругляка. До известного времени эти „райя" (женатые казаки) не имели никакого веса и значения в Задунайской Сичи, т. е. матерые сичевики холостяки попросту не пожелали считаться с ними, продолжая относиться к ним с известным презрением. В общем-же Задунайская Сич в главных чертах внутреннего своего устройства мало чем отличалась от уклада старого Запорожья. Между прочим, у Задунайских Запорожцев существовали даже специальные рыбацкие селения — на острове Лета у Вилкова и Горгова, в коих постоянно проживали сичевики, промышлявшие рыбной ловлей. Интересен и тот факт, что с увеличением числа женатых казаков, в Задунайской Сичи помимо существовавших основных видов добывания средств к жизни — охота и рыболовство, привилось и хлебопашество и наемный труд.*)

Оторванность от родины и тоска по ней постоянно мучила Задунайцев, мучило их и то обстоятельство, что войны, в которых им приходилось участвовать, были направляемы турками постоянно против христиан-православных, а таковыми были и греки, и болгары, и русские, и сербы. Как пример, Задунайские Запорожцы помимо своего участия в русско-турецких войнах 1787-1791 гг., 1806-1812 гг., 1828-1829 гг., принимали участие в подавлении восстания сербов против турок в 1817-1818 гг., когда по султанскому фирману (приказу) полк Задунайских Запорожцев дрался против сербов. Далее, в греческое восстание 1821-1829 гг., Задунайские Запорожцы под главенством б. Кошевого Атамана Мороза, были высланы султаном на усмирение восставших греков. Вернуться обратно в Задунайскую Сич им однако было не суждено, ибо корабль, на котором находились Задунайские Запорожцы во главе с Морозом, был подорван греками и затонул в море, причем все находившиеся на нем казаки погибли.

В предвидении войны 1828-1829 гг., русское правительство через генерала Тучкова (комендант крепости Измаил) послало в Задунайскую Сич обращение к Запорожцам, призывая их покинуть пределы Турции и возвратиться в Россию. В этом обращении определенно говорилось о том, что те казаки, которые возвратятся, получат полную амнистию и будут восстановлены в своих правах. Кошевой Атаман Задунайской Сичи—Василий Незамаевский твердо и определенно высказался против того, чтобы это обращение русского правительства обсуждалось на Войсковой Раде в его Атаманство. На Покров 1827 года Василий Незамаевский сложил с себя полномочия Кошевого Атамана и предложил выбрать себе преемника. Войсковая Рада Задунайской Сичи, собравшись для выборов нового Кошевого Атамана, явилась в течение некоторого времени ареной ожесточенной борьбы между старыми Запорожцами-сичевиками и „райями" — женатыми казаками, стремившимися во чтобы то ни стало провести своего кандидата в Атаманы.

„Годі вже Запорожцям верховодити! Багато вже вони становили Кошових — гайда, поставимо і ми, мужики, свого". И действительно „райя" победили и провели в Кошевые Атаманы своего кандидата — Атамана Платнировского куреня Осипа Бондаря-Гладкого, сыгравшего роковую роль в истории Задунайской Сичи.

Осип Бондарь-Гладкий происходил родом из села Мельник, Золотоношского уезда, Полтавской губ., где отец его был сельским старостою. Рано женившись и став отцом четырех детей, Гладкий только и мечтал о том, чтобы как можно скорее сделаться богатым человеком. Для достижения указанной цели, Гладкий бросил семью и родные места и пошел чумаковать. Это занятие, однако, ему пришлось не по душе и он сменил его на гончарство, чтобы в недалеком будущем очутиться в Одессе и заняться там бондарством. Перепробовав ряд различных профессий и не найдя для себя ничего подходящего, Гладкий покинул пределы России и перекинулся к Задунайским Запорожцам. Являясь

*) В период 1816—1819 гг. турецкое правительство привлекло для постройки шлюзов в Константинополе около 800 Задунайских Запорожцев, положив им хорошее жалованье за труд.

от природы человеком смышленным и при том не лишенным некоторой талантливости, Гладкий весьма быстро занял импонирующее ему положение и в Задунайской Сичи, завершив его проходом в Кошевые Атаманы в 1827 году. Став Кошевым, Осип Бондарь-Гладкий принял к сведению и руководству предложение русского правительства о возвращении Задунайских Запорожцев в Россию, сделанное его предшественнику Василию Незамаевскому. Не встречая сочуствия со стороны казаков, Гладкий с своими 200-ми единомышленниками погрузил тайно на будары все войсковые регалии, Сичевую церковь и двинулся в путь к Измаилу, прибыв в который и явился к Николаю I, находившемуся там. Из казаков, пришедших с Гладким в Россию, было сформировано Дунайское Войско с водворением его в Екатеринославской губ. Несколько позднее Войско это было переведено на берег Азовского моря и поселено на т. н. Бердянской пустоши, получив новое наименование, именно — Азовское казачье Войско.*)

Бегство Гладкого послужило началом конца существования Задунайской Сичи, ибо турки, узнав о случившемся, рассвирепели и решили покончить с оставшимися Задунайцами, которых было ни более, ни менее, как 15—16 тысяч человек.

Положение в Задунайской Сичи к моменту бегства Гладкого, представляется в следующем виде: в самой Сичи оставалось лишь 5 стариков, в числе коих был и бывший Кошевой Атаман Рогозеный Дід, в окрестных селах находилось около полутора тысяч казаков, в камышах их скрывалось около 2000, да в Силистрии было свыше 9000 сичевиков, пребывавших в распоряжении Силистрийского коменданта.

Репрессии со стороны турок были ужасны: старики, находившиеся в Сичи, были изрублены, сама Сич разгромлена; у Задунайцев, иаходившихся в Силистрии, было отобрано оружие и они, почти поголовно были сосланы в тюрьмы крепости Адрианополя, где им было об'явлено об уничтожении Задунайской Сичи и о том, что все они приговорены к смертной казни, которая, однако, не имела места, вследствие заступничества австрийского посла. Очень много Задунайцев еще до появления турецких карательных отрядов на Дунаевец, отплыло на баркасах в Россию, а еще больше их было уничтожено молоканами и молдованами, которые убийствами и грабежами сводили с Запорожцами старые счеты.

С окончанием войны 1828—1829 гг. турецкий султан повелел перевести всех Задунайских Запорожцев заключенных в Адрианопольских тюрьмах на работы в Константинополь; кроме того, он отвел Задунайцам земли для поселения вдали от границ России, именно по берегу Эгейского моря, около г. Салоник. Задунайцы, не желая терять связи с родиной, отказались селиться там, и просили султана отвести им земли хотябы и в Малой Азии, но на берегу Черного моря. Султан на это не согласился, но разрешил Задунайцам расходиться, куда глаза глядят... И до нашего времени, в Добрудже в окрестностях Браилова, Галаца, Исакчи и Тульчи проживают потомки Задунайских Запорожцев, сохраняющие до известной степени и язык, и веру, и обычаи.

Задунайская Сич существовала ровно 53 года — с 1775 по 1829.

*) См. нашу статью „Азовское казачье войско", помещенную в №. 72 „Вольное Казачество".

Шамба Балинов.

Чем было Казачество.*)

1. О происхождении Казачества.

Делая настоящее сообщение, я совершенно не собираюсь хватать звезд с неба, открывать Америку и сообщать вам что-то новое, лично мною открытое. Я всего лишь собираюсь доложить вам то, что открыто и доказывается другими, казачьими историками, передаю многое их же собственными словами.

Делаю это по следующим соображениям: во-первых, не все читали научные труды казаков о Казачестве, а во-вторых, содержание этих трудов, переданное живыми словами, освобожденное от необходимых в научных трудах деталей и доказательств, скорее может запечатлеться в памяти, легче воспринимается и дает пищу казакам для размышления над собственной своей судьбой.

Начнем с вопроса о происхождении казаков, вопроса как будто простого и для противников казаков и для самих казаков: для первых потому, что для них „ясно", что никаких предков у казаков, кроме великоруссов, не было, а для казаков ясного потому, что для них также нет никакого сомнения, что они произошли не от великоруссов.

Существуют два основных взгляда на происхождение Казачества, две теории, взаимно друг друга исключающие.

Первая, официальная русская историческая теория, утвердившаяся примерно в половине XIX ст. и ставшая затем „истиной", всякое посягательство на которую, в смысле критическаго подхода к ней, стало почитаться „крамолой" или „дикой ересью". Эта „теория" просто без всякого доказательства, устанавливает, что казаки — русские люди, бежавшие по разным социально-экономическим и политическим причинам из Московского царства и образовавшие на Дону военную общину, Войско. При чем, время такого бегства великорусских крестьян и образование ими на Дону Донского Войска эти русские историки относят к половине XVI ст. До этого времени, по их мнению, современные казачьи территории пустовали.

Для этих русских „теоретиков" не существуют такие, казалось бы, естественные вопросы:

1) как мог великорусский крестьянин, никогда свободы и воли незнавший, перебравшись на Дон, где было пусто, моментально превратиться в вольного степного рыцаря;

2) как мог тот же крестьянин, по природным условиям лесной полосы обладавший весьма сомнительными военными качествами, перебежав на Дон, сразу превратиться в бесстрашного воина, лихого конника, способного легко и свободно состязаться с прирожденными воинами — разными степными народами, безперерывно чередуясь, властвовавшими на Востоке Европы;

3) как могли эти беглые крестьяне-рабы, никогда никакой общественно-организованной жизни не знавшие, перебравшись на „Дикое Поле", в течение короткого времени создать стройную и прекрасную военную систему, создать такую организованную военную силу, которая становится грозою соседних татарских царств, потрясает владениями могущественной в то время Турецкой империи, часто не дает спать и Московии.

„Можно ли допустить, чтобы русский крестьянин какой-нибудь Рязанской губернии сделался казаком-конником, как только появился в степь и получил коня; чтобы из него, никогда невидавшего моря, вдруг получился отважный морской боец, какими нам рисует казаков история. Наивно было бы это утверждать: слишком велика дистанция между качественными данными казака и русского крестьянина"... — пишет Степнев.

Эту огромную разность „качественных данных" между казаками и русскими (великоруссами) видят и беспристрастные иностранцы, которые русских крестьян характеризуют не иначе, как „рабами грубыми и плутоватыми", а казаков, как „сознательных граждан, свободных и полных чувства собственного достоинства".

А „наличие высоких гражданских и духовных, рыцарских качеств может развиваться только у веками

*) Доклад, прочитанный автором 10 мая в „Обществе ревнителей Казачества" в Париже.

свободного, самостоятельной жизнью живущего, никогда рабства не знавшего народа... Из векового раба не сотворишь рыцаря, как из тамбовской сивки не сделаешь донского скакуна... Создание казачьего рыцарства из рабского русского крестьянства психологически было невозможно. Но оно невозможно было и по причинам историческим... Только русские историки, загипнотизированные идеей российского великодержавия и централизма, могут закрывать глаза на действительность во имя соображений политического характера"... (Степнев).

О том, что казаки представляли из себя прекрасно организованную военную силу и являлись мощным фактором политической и военной жизни на Востоке Европы еще в половине XVI ст., т. е., как раз тогда, когда по мнению русских, на пустое место — „Дикое Поле" — только что начали сбегаться русские крестьяне, единодушно свидетельствуют иностранные историки.

В частности, письмо турецкого султана к ногайскому князю гласит: ... „Поле де все и реки у меня поотнимал, да и Дон от меня отнял, да и Азов-город упуст у меня доспел, поотнимал всю волю в Азове, казаки ево с Азова оброк емлют и воды у Дона пить не дают. А Крымскому царю... какую-де срамоту казаки ево учинили, пришед Перекоп воевали, да ево же казаки Астрахань взяли... Да царя же Ивана казаки у вас Волге оба берега отняли... Да ты же бы, Самуил Мирза, пособил моему городу Азову от царя Ивана казаков"...

В одном этом историческом документе сказано чрезвычайно много: очерчена территория, на которой господствовали казаки: Перекоп, Азов, Дон, с которого воду „пить не дают", Астрахань, Волга, которой „оба берега отняли казаки"; определена организованная казачья военная сила, с которой считался могущественный тогда турецкий султан. Этот же документ убедительно опровергает русскую историческую „теорию", согласно которой казаки на Дону появились только в половине XVI века и только, как русские историки утверждают, к 1549 г. организовались, и свидетельствует о более древнем казачьем происхождении, о долгой их организованной жизни на Дону, ибо „для того, чтобы сделаться таким мощным международным фактором, каким рисует Донское Казачество вышеприведенное письмо Турецкого Султана от 1551 г., нужен был длительный исторический период, нужна была не только сырая человеческая масса, — необходимо было особое духовное содержание, вековая выработка особой государственной организации, особый быт, навыки"... (Степнев).

Невозможность происхождения свободных, вольных казаков, степных рыцарей, природных конников, бесстрашных воинов, искусных моряков, сознательных граждан с подлинным демократическим укладом общественно-государственной жизни от беглых русских крестьян-рабов само по себе понятно, а также легко отвергается теми историческими военно-политическими событиями, какие в то время происходили на Востоке Европы, где никакое человеческое общество — без должного, веками продолжавшегося приспособления к условиям ратной степной жизни, без веками закалявшегося суровой борьбой особого духа, железной воли, без твердой, испытания вековой истории выдержавшей старой и крепкой формой общественной жизни, — не могло устоять и удержаться.

Между тем эта простая истина до самого последнего времени считалась запретным плодом, находилась под семью замками и прикосновение к ней почиталось государственным преступлением в России. На место этой очевидной истины была поставлена „теория", выдуманная и выдвинутая русскими историками в половине XIX ст., в силу каковой „теории" казаки в прошлом — беглые крестьяне, „воровские шайки".

По утверждению казачьего историка Быкадорова, эти русские историки в доказательство своей „теории" „не приводят никаких, ни прямых, ни косвенных исторических документов". Мало того, по утверждению того же историка, для русских „теоретиков" является счастьем, „что не сохранилось исторических документов государств, существовавших в степной полосе — Хозарской империи, Тмутараканского княжества, Золотой Орды (столица ее г. Сарай), Крымского и Астраханского царств и турецкой крепости Азова: архивы, имевшиеся в них, погибли". Такое же счастье для них, что „архив „главного Войска", т. е. столицы Донского Войска, г. Черкасска, был уничтожен в 1643 г., во время занятия и уничтожения турками всего города. Окончательно этот Донской архив погиб со всеми регалиями и реликвиями во время пожара Черкасска в 1794 г., когда сгорело $^{9}/_{10}$ города"... (Быкадоров).

Не располагая документами этих погибших архивов, где несомненно имелись богатейшие материалы по истории происхождения казаков, не попытавшись проникнуть в архивы Константинополя и городов Анатолии, где несомненно еще хранятся документы исключительной ценности для освещения истории Казачества, — русские историки „интуитивным" путем, в спешном порядке создали „теорию" о казачьем происхождении в то время, когда русский монарх мог приказать отменить правду, когда великодержавное сознание русских историков легко могло их направить навстречу монаршему желанию.

Правда, отдельные русские историки, как, например, Устрялов, совершенно справедливо признаются, что для создания подобной „теории" не имеется достаточных данных, и который говорит, что „не имея в общем никаких средств об'яснить рядом событий, когда и как образовалось на Дону Казачество, знаем только достоверно, что оно становится особенно заметным в начале XVI века, что главным центром его был городок Раздоры, в устье Сев. Донца". Этот русский историк, вопреки официальной русской исторической „теории", мужественно признается, что „мы, русские историки, не знаем — откуда и как произошло Казачество".

Но, несмотря на все это, русская официальная „теория", созданная во времена, когда по словам русского историка, „идеализация Руси и легендарного русского героизма, превращавшая в народном сознании реальных удельновечных князьков... в общерусских богатырей" могла особенно не считаться с правдой, вот эта „теория" стала „классической", со школьной скамьи вколачивалась в головы всех и вся, и русских, и казаков, сделалась „ходячей истиной", которую основательно усвоили и некоторые казаки.

Почему же эта „теория" была выдвинута и для чего она так упорно внушалась всем и каждому?

На это казачьи историки отвечают: была „выдвинута она с политической целью — разрушить идею происхождения Казачества из местных донских народов, живших здесь до татарского нашествия и, таким образом, выбить историческое оружие из рук казаков в их борьбе за самобытность начал в устройстве своей жизни. В централизаторских российских интересах необходимо было доказать, что Донское Казачество составилось из беглых русских крестьян и преступников: Такая постановка вопроса морально оправдывала те политические приемы, которые употребляло русское правительство в целях подведения казаков под условия российского крестьянства". (Степнев).

Так подвергают молодые казачьи историки основательной критике русскую „теорию" о происхождении Казачества, на основании исторических исследований доказывают ее несостоятельность.

Отвергнув русскую „теорию", казачьи историки на ее место выдвигают свою стройную, логически-последовательную, исторической действительности соответствующую систему, свою историческими документами обосновываемую теорию происхождения казаков. Согласно этой казачьей теории — казаки особое славянское племя, отдельный народный организм, имеющий такое же право, как великоруссы и украинцы, считать себя особым славянским народом. Предки казаков являются коренными обитателями Востока Европы, т. е. современных Казачьих Земель, — утверждают казачьи историки.

Восток Европы географически разделяется на две полосы: лесную и степную (еще на севере тундровая полоса, на юге — горная). И вот, коренными обитате-

лями одного определенного участка этой последней (степной) полосы на Востоке Европы с давних времен являлись казачьи предки. Сведения об этих последних восходят в далекое историческое прошлое, когда еще не существовало никакого Московского царства, выходцами откуда, якобы, по мнению русских, являются казаки. Еще во II ст., когда на Востоке Европы устанавливают свое владычество Готы, на Черноморско-Азовском побережьи живут славянские народы — Анты. В первой половине VI ст. эти славяно-антские племена уже владели бассейном Дона и продвинулись к берегам Азовского моря.

С начала VII ст. на территории современных Казачьих Земель создается государство Аваро-Гуннов, в состав которого входят славяно-анты. С этого времени исторические документы перестают говорить о славяно-антах, ибо их племенное название для иностранцев покрылось государственно-политическим названием — Аваро-Гуннов, как в наше время так покрылись названия многих народов, входивших в состав России, названием „русский", или, например, имена отдельных Кавказских народов покрылись общим „собирательным" именем „горцы".

С половины же VII ст. (642) иностранные ученые точно устанавливают существование славянской народности — русов в степной полосе. В то время на этой территории (в низовьях Волги и на Дону), на место гуннов, создается новыми степными завоевателями государство Хозаров и в составе этого государства, как раз на той же самой территории, на которой недавно жили славяно-анты, живет славянское племя Русов; живут на Дону, Донце, Нижней Волге, на Тереке, на Кубани.

Во время существования Хозарской Империи эти русы были настолько многочисленны, что арабские писатели называют государство Хозаров Русо-Хозарским, а Черное море — Русским. Главными центрами этих Русов были: в Подоньи (Казакии) г. Руссия (Артана, Танаис, впоследствии переименованный в Азов, по имени половецкого хана Азуфа) и Матарха (Тмутаракань) в устьи Кубани. Эти Русы отличались воинственным духом, принимали широкое участие в торговой деятельности Хозарского государства; достигли значительного культурного развития, подвергаясь воздействию двух культур: арабской и византийской.

Арабский географ Масуди, посетивший в X веке Приазовский Край, пишет: „между большими и известными реками, впадающими в море Понтус (Черное), находится одна, называемая Танаис (Дон), которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами"...

Или в житии Св. Георгия (около 842 г.) говорится, что „погибельный делами и именем народ Русь опустошил берега Черного моря от Протондиты до Синопа"...

Столь сильный и воинственный славянский народ Русь заселял с давних времен территорию современных Казачьих Земель и, с половины VII ст., входил в состав Хозарской Империи.

Но в половине IX ст., под натиском новых азиатских завоевателей, венгров, торков и печенегов, начался распад Хозарской Империи, отрыв ее окраин: Поднепровья — впоследствии Киевское государство, и Среднего Поволжья — Камской Болгарии. Русы же Подонско-Приазовские еще продолжали оставаться в составе Хозарской Империи.

Камская Болгария (в среднем течении Волги и по Каме), находившаяся под влиянием арабской культуры и ислама, уже в первой половине IX ст. приняла ислам. Русь Подонско-Приазовская (Казакия) — алане и казахи — примерно в то же время стала христианской; следовательно, она стала христианской значительно раньше Руси Киевской, (крещение Владимира в 988 г.). О том, что Русь Подонско-Приазовская стала христианской раньше Руси Киевской, свидетельствует патриарх Фотий и Устав Византийского императора Льва Философа о чине митрополичьих церквей, где на 61 месте показана церковь Русская. А этот Лев Философ жил в 836 — 911 г. г., далеко раньше до крещения Киевской Руси. (Быкадоров).

Так с несомненностью устанавливается существование с незапамятных времен на территории Казакии славяно-русов, с христианской религией.

Сначала более или менее единое славянское племя русов, в половине IX ст., под влиянием совершавшихся на их территории событий, разделились: Камская Болгария, где преобладал тюркский элемент, оторвавшись от ядра Хозарской империи, попала под влияние и власть тюрков и приняла ислам. Русь Поднепровская, предки Запорожцев, тоже оторвавшись от ядра Хозарии, подпала под власть дружинников Рюрика — Аскольда и Дира, а затем, в 882 г. сын Рюрика, Игорь, при своем воспитателе Олеге, кладет там начало Киевской великокняжеской династии. А Приазовско-Подонская Русь продолжает оставаться в составе уцелевшего ядра Хозарской империи. Этим об'ясняется и то, что с этого времени в русских летописях не упоминается о славяно-русском населении Приазовья и Подонья. Но это, конечно, не значит, что это население, как и его главный город, Руссия, исчезли с лица земли, а только значит, что племенное название славяно-русского населения Подонско-Приазовской Руси для иностранцев покрывалось общегосударственным названием — Хозаров. Народ же славяно-русский несомненно продолжал жить в составе уцелевшего ядра Хозарской империи на своей древней земле, лишь утратив связь и постоянное общение с остальными частями (отделившимися) славяно-русов Поднепровья. О существовании этих славяно-русов и их городов в Подоньи, как незадолго до похода Святослава в 943 г., так и в последующие годы, свидетельствуют иностранные писатели и путешественники.

Следствием похода Святослава, сына Игоря (после короткого правления его жены, Ольги), в Подонье и Приазовье был разгром Хозарской империи и введение части ее территориального ядра — Казакии — в состав русского (Киевского) государства, под названием Тмутараканского княжества. Этим вхождением была восстановлена прервавшаяся было связь Руси Приазовско-Подонской с Русью Поднепровской.

После убийства печенегами в 972 г. Святослава его сыновья — Олег, Ярополк и Владимир — начали борьбу за власть. Затем после гибели Олега, эта борьба еще больше ожесточилась между оставшимися двумя братьями — Ярополком и Владимиром. Первый опирался в своей борьбе на силы степной полосы, а второй прибег к помощи наемных варяжских сил. Превосходство сил и средств было на стороне кн. Ярополка и лишь гибель последнего дала возможность Владимиру, оставшемуся единственным наследником державы Святослава, соединить в своих руках власть над всем Русским (Киевским) государством. (Быкадоров).

Владимир Святой покорил Крым, который вошел в состав Тмутараканского княжества. А это последнее, Тмутараканское княжество, затем было дано Владимиром в удел своему сыну Мстиславу.

Принятие христианства в последней четверти X ст. Киевской Русью при Владимире Святом связало религиозным единством и об'единило с нею Русь Приазовско-Подонскую, бывшую уже более столетия христианской.

Так, в результате успешных военных действий Киевских князей и принятия христианства Киевской Русью, восстанавливается связь славян Востока Европы под главенством Киевского великого князя, но предки казаков, славяно-русы Подонья и Приазовья (Тмутараканское княжество) составляют особое княжество и живут обособленной общественно-государственной жизнью, сохраняя все свои древние формы народной жизни.

Было ли такое присоединение Тмутараканского княжества к Киевской Руси следствием осознанного чувства единства славян Востока Европы или осуществлением какой то государственной идеи со стороны Киевских князей, как принято думать? Вряд ли это так было. Например, евразийцы довольно резонно утверждают, что в те времена Киевские князья жили „крайне примитивными представлениями о государственности... В этом отношении до-монгольская Русь находилась на самой низкой ступени развития", что она,

Киевская Русь, прикрепленная к известной речной системе, но, в силу угрозы степных кочевников, до конца ею не овладевшая, вынуждена была „разлагаться и дробиться на мелкие княжества, постоянно друг с другом воюющие и лишенные всякого более высокого представления о государственности... Отдельным речным городам и княжествам, входящим в состав Киевской Руси, действительно ничего другого не оставалось как „самостийничать“ и друг с другом драться“.

Так характеризуют состояние и положение русских князей того времени евразийцы, которым в оригинальном подходе к русской истории и в хорошем знании ее отказать никак нельзя, как бы мы не относились к их политическому учению.

Очень возможно, что те столкновения русских князей, их междуусобные войны происходили не из за какой либо государственной идеи, а просто за личную власть отдельных князей, за преобладающую роль на „пути из Варяг в Греки“. Возможно, что и присоединение Приазовско-Подонской Руси (Тмутараканское княжество) к Руси Киевской было только простым завоеванием, следствием случайной военной удачи киевского князя. Как бы то ни было, при Владимире Святом славянское население Тмутараканского княжества установило связь, вошло в какие то взаимоотношения с Русью Киевской.

Но в половине XI ст. в степной полосе появляются новые завоеватели — половцы, — снова отрезают Тмутараканское княжество от Киевского государства; связь между ними снова прерывается. Поэтому, в русских летописях, с конца XI ст., перестают говорить об этом Тмутараканском княжестве. Но это опять таки не значит, что население его бесследно исчезло. Оно не могло исчезнуть, как не исчезли и города, не исчезла и жизнь в них.

Тмутараканское княжество перестало лишь существовать в виде особого княжества Киевского государства. Оторванное от центра, предоставленное самому себе, оно еще теснее сблизилось с тюркскими народами, более усиленным темпом началось смешение с инородной кровью, но сохраняя свое славянское лицо, свою христианскую религию.

С этого момента, с момента отрыва в половине XI ст. Тмутараканского княжества от Киевской Руси, начинается формирование той особой славянской народности, прямыми потомками которой являются современные казаки. Такая народность не образоваться не могла. На территории Казакии, в составе Хозарской империи на протяжении сотен лет, а, затем, в составе Тмутараканского княжества в течение более ста лет жили общей жизнью две народности: славяно-русы и тюрки-казахи, имевшие тождественный народный быт, родственную психологию, подвергавшиеся одинаково влиянию одной, византийской культуры, развивавшейся в одинаковой духовно-психологической атмосфере, а с середины IX ст. имевшие и общую христианскую религию.

И эта, путем многовекового совместного сожительства на одной территории, в одинаковых природных условиях, переживая одинаковые военно-политические события образовавшаяся народность Тмутараканского княжества явилась родоначальницей современного Дон. Казачества, которое, в свою очередь, явилось родоначальником других казачьих Войск, за исключением нынешних кубанских Черноморцев, потомков Запорожцев.

(*Продолжение следует*).

Павел Кудинов.

Восстание Верхне-Донцов в 1919 году.

(Исторический очерк).

(*Продолжение*).

Восставшие, отбросив красных к хутору С. и занимая накануне оставленные хутора, наткнулись на невероятные зверства, которые могут совершать только подлинные разбойники. Осатаневшие красные поджигатели, пируя в занятых хуторах, совершали кровавые расправы над оставшимися невинными женщинами, детьми и стариками. Мерзкая толпа поджигателей (все те же русские люди) сгоняли изнасилованное, полуживое население в одно помещение, зачековывали дверь, закрывали окна, обкладывали соломой и зажигали со всех сторон. Несчастные жертвы бросались к окнам, дверям, ища спасения от страшных мук, но увы! красные факельщики с злорадным криком: „уничтожай казачество!“ в упор расстреливали спасающихся. Случайно же оставшихся в живых живыми распинали на заборах и упражнялись в ловкости штыковых ударов.

Или например: казачья изба с почерневшей соломенной крышей, с запертой дверью сеней и примкнутой палочкой, мрачно выглядывала между почерневших груд сожженных домов, как будто чудом уцелевшая. Но когда казаки вошли в хижину, то увидели следующее зрелище: молодая женщина с изуродованным лицом, с несколькими пулевыми пробоинами в голову, была поставлена на колени и пригвождена руками к стене; около этого безжизненного трупа казачки-матери находились два ребенка в возрасте от 2 до 4 лет, которые, очевидно, долго звали свою мать, но, не получая ответа, прижавшись по-детски друг к другу и прикрывшись окровавленной юбкой матери, крепко спали в луже застывшей крови.

Все разграблено, растерзано, сожжено, только слышен был робкий лай запуганных псов, да тонкий дымок не догоревших бревен кадил жертвам, погребенным под развалинами казачьих куреней...

Красные 21 марта в составе 5-го Заамурского, Камышинского, Федосеевского, состоящего из 4 сотен мобилизованных казаков и 1-го Московского рев. пех. п-ка при трех батареях четырех орудийного состава, перешли в наступление по всему участку 5 дивизии восставших. Последняя, оказывая упорное сопротивление, отступила на юг, оставив х. х. Рябов и Ежевский. На рассвете 22 марта 5 дивизия, перейдя в наступление, разбила красных, отбросив их на север. Разбитые красные бежали часть за реку Бузулук, а часть закрепилась в станицах Бузулуцкой, Федосеевской и Зотовской.

Армия восставших, в двадцати-дневный период одерживая славные победы над сильнейшим врагом, с каждым днем крепла и технически и духовно; в каждом полку были пулеметные команды, винтовку приобрел каждый, появились и пушки. Но один вопрос стоял все еще слабо: это — патроны. Патронов нет, а отбиваемые у красных расходовались в ежедневных боях; расчитывать же на какую-бы то ни было помощь извне не приходилось, так как о существовании Донской армии никаких сведений не имелось. Приходилось помагать самим себе. В станицах Вешенской, Казанской, Еланской были организованы примитивные заводы для выработки ружейных патронов, а для этого собирался различный металл, из которого отчеканивались пули и, несмотря на их шероховатость, последние были вполне пригодны для стрельбы из винтовок, а для пулеметов экономились фабричные.

Пленные часто спрашивали: товарищи, откуда у вас такие патроны? Головы нельзя поднять, а как заденет, так расшибет всего!

Кроме того, в каждой станице изготовлялись пики, коими вооружалась конница. В хуторе же Базки Веш. ст. находился артиллерийский склад, в котором большинство снарядов оказалось тяжелого калибра, а пушек соответствующего калибра только одна. Легких же снарядов было мало, но порожних гильз и стаканов 3-х дюймовки много. Немедленно было приступлено к разряжению тяжелых и начинке 3-х дюймовых. В еже-

дневных боях снаряды скоро пришли к концу, тогда пришлось начинять чистейшим донским песком...

Все усилия красных направлялись к скорейшему нашему пораженію. Троцкий 27 марта прибыл в хутор Мрыхин Мигулинской ст. и, ораторствуя перед красными солдатами, приказал: в трехдневный срок подавить мятежных казаков, обещая награду тому, кто доставит командующего восставшими казаками живым (газета „Красное знамя"). В это время Мигулинцы внезапно атаковали х. Мрыхин, отбросив красных на п. Журавка. Троцкий, едва ускользнув от рук восставших, бежал в Богучар и там собрал тысячный митинг, на котором еще раз призывал всех товарищей — ополчиться и ликвидировать восставших казаков. Того же 27 марта мною было получено воззвание Троцкого следующего содержания:

В. К.
РСФСР.
27 марта 1919 г.
№— х. Мрыхин.

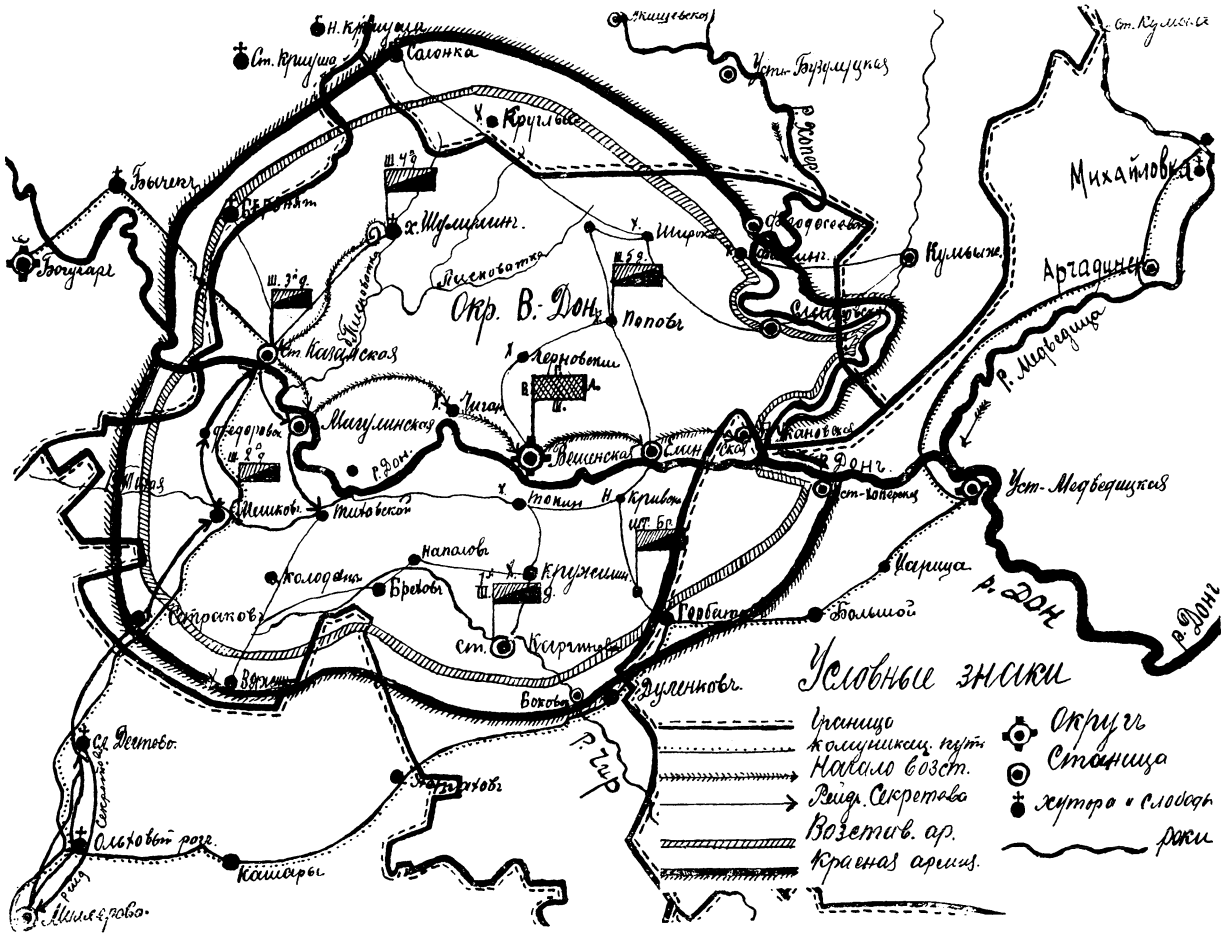
Командующему восставшими казаками.
Товарищи казаки!

Притаившаяся в ваших станицах кровожадная контр-революция силою обмана толкнула вас на безумное восстание против своих братьев — трудового народа, рабочих и крестьян, с целью восстановить свои помещичьи гнезда и наложить суровую барскую тиранию на только что освободившийся народ из под ига самодержавной власти. Белые царские наемники толкнули вас на вооруженное восстание лишь для того, чтобы задушить революцию, а вместе с тем и пробудившуюся мысль трудящегося народа Республики. Помещикам нужна война, а нам мир и братство. Не желая проливать крови трудового казачества, я призываю вас немедленно сложить оружие перед солдатами красной армии. Всем сдавшимся гарантирую полную свободу, как гражданам С. Р., а офицеры будут восстановлены в равных правах с офицерами красной армии. Вы должны знать, к чему поведет ваш мятеж и непокорность и какие будут последствия, если я прикажу солдатам народной армии подавить вас, как врагов народа и революции. Ответ в 24 часа. Троцкий.

28 марта, будучи ни фронте 2-й дивизии, я получил телефонограмму от командира 4-го Сердобского сов. полка следующего содержания: Я, командир 4-го Сердобского полка от имени всех солдат приветствую братьев восставших казаков и ныне со своим славным полком присоединяюсь к рядам доблестной армии восставших. Станица Усть-Хоперская занята мною. Комиссары переловлены и расстреляны. Веду бой с красными. Жду распоряжений. Врановский.

Неудачный приезд Троцкого на фронт восставших казаков привел его в бешенство и он приказал командиру VIII армии перебросить 15-ю Инзинскую дивизию с несколькими карательными отрядами на фронт восставших и ликвидировать восстание во чтобы то ни стало. Штаб VIII армии находился на станции Миллерово, откуда и хлынул красный поток в составе 10-ти пехотных полков под общим командованием тов. Антонова.

Для того, чтобы читатель мог иметь ясное представление о силе и расположении войск обеих сторон к 1 апреля 1919 г., даем ниже схему общего расположения противников.



Северный фронт.

1) От станицы Еланской до станицы Федосеевской (первой включительно, второй исключительно): 5 Заамурский кон. полк при двух батареях, одна четырех орудийная полевая, другая гаубичная.

А) 1-й Московский рев. пех. полк. Б) 4-й казачий, имени Ленина полк, сформированный из казаков станиц Федосеевской и Зотовской. В) Дивизион Царицынского конного п-ка под общим командованием тов. Лозовского, члена Высшего Рев. совета республики, который расстрелян Врановским „барак Синюткин".

2) Ст. Федосеевская включительно, хут. Шумилин

исключительно: Коммунистические отряды тов. Дорохина.

3) Хутор Шумилин и стан. Казанская: бригада красных курсантов, 4-й Кронштадский матросский полк, 3 карательних отряда, выделенных из состава VIII армии, Калачевская крестьянская дружина, 3-й Богучарский непобедимый и Бобровский пехотные полки при 16 орудиях, 80 пулеметов и броневой автомобиль.

Южный красный фронт.

1) Ст. Усть-Медведицкая, хутор Чеботарев, оба пункта включительно: 4-й Сердобский пех. полк, батальон лыжников, 5 и 6 рабоче-крестьянские дружины, 2 эскадрона латышей, сотня казаков Усть-Хоперской станицы под командою Крючкова, под общим командованием еврея Волынского. Штаб — Усть- Медведицкая.

2) х.х. Чеботарев, Горбатов, ст. Каргиновская включительно: конная группа б. ротмистра царской службы Панунцева в составе Царицынского, Камышинского, Саратовского и 13-го краснознаменского конных полков с артиллерией.

3) Станицы Каргиновская, Мигулинская включительно: 15-ая Инзинская пех. дивизия с надлежащим количеством пушек, пулеметов и дивизионом конницы; три карательных отряда, крестьянская дружина слобод Каменка, Поповка и Макеевка; батальон курсантов под руководством командира VIII армии тов. Антонова.

(*Продолжение следует*).

Ф. Воропинов.

Ледоход.

III.

Интересную речь, — в том виде, как она передана нашим корреспондентом, — произнес станичник Збронский. Она вполне заслуживает того, чтобы привести ее полностью и внимательно рассмотреть.

„Я — казак душой и телом. Я — человек беспартийный. Будьте, братья, казаками не только на словах, но и на деле. Вольные казаки поекрасно пишут о казачьих страданиях, о казачьих правах. Все это — святая истина, но пока я не вижу действий. А раз действий нет, я не могу примкнуть к нему. Будет дело, — я первым пойду на смерть за славное Вольное Казачество. Тогда я к вашим услугам".

Трудно в такой краткой речи высказать столько спорных и неверных положений. Тут что ни фраза, то и спорная мысль. Видимо с гордостью ст. Збронский заявляет, что он — казак телом и душой. Что он телом, по происхождению казак, в этом можно не сомневаться. Что же касается второй половины его утверждения, то тут надо еше подумать, так ли это в действительности. Было бы гораздо лучше и, пожалуй, убедительнее, если бы так о нем сказали другие. Но даже и в этом случае надо непременно посмотреть, кто говорит и как он понимает самое казачество, ибо часто бывает так, что в понятие казак люди вкладывают совершенно различное содержание, а иногда даже и прямо противоположное. Так, в понимании шанхайской старшины, ее парижских патронов и русского дворянства казак есть „беглый русский крестьянин или преступник, поселившийся на Дону"; „слуга царю и отечеству", служака, который, не рассуждая, слепо и точно должен выполнять приказания своего начальства; „якорь русского правительства на окраинах Российского государства", границы которого „находятся на арчаке казачьего седла". Еще лучше представление о казаке у русской „революционной демократии", а вслед за нею и у всего русского крестьянства, рабочего и городского обывателя. В их понимании казак в России — то же, что у турок янычар или баши-бузук, — головорез, рубака, нагаечник, опричник, жандарм, который охраняет помещичьи земли от крестьян, заводы и фабрики от забастовщиков-рабочих, правительство и полицию — от революции, который рубит шашкой и сечет плетью безоружных демонстрантов. И за такую „службу" получает по 30 десятин русской земли на каждую душу, т. е. по 150—180 дес. на семью и живет помещиком, обрабатывая ее руками наемных крестьян.

Есть и другое, несколько иное понимание казачества — казачье народное и историческое. По этому пониманию оказывается, что „казаки от казаков ведутся" и „в течение всей своей истории противополагают себя русским, а Дон — Руси"; „же (что) московские монархы от початку казацкого народу и владенія каганов козацких аж до Хмельницкого николи нам не бывали природними панами" и что „народ валечный (воинственный) козацкій за владенія еще каганов козарских в столице апостольской константинопольской просвещенный зостал". В понимании истории казачество—„гордый и свободолюбивый народ, полный глубокого сознания своего человеческого достоинства и гражданских прав". „Казаки — прирожденные республиканцы". Глубокое сознание полного, абсолютного равенства всех и во всех правах, начала полного и ничем не ограниченного народоправства проникали во всю жизнь казачества — политическую, социально-экономическую, военную и частную — снизу и доверху. Носителем и распорядителем верховной законодательной, распорядительной, судебной власти был сам народ козацкий в лице непосредственных народных собраний, — Войсковых Рады или Круга, станичного или хуторского круга, походного войска и т. д. Выборное начало проникало поэтому во все поры казачьей жизни.

Мнения иностранцев-путешественников и дипломатов, — наблюдавших казачью и русскую жизнь, вплоть до конца XIX в. носят один и тот же характер и сводятся к тому, что в то время, как „русский крестьянин — раб, грубый и плутоватый", „казак — вольный человек, полный сознания своего человеческого достоинства". При чем некоторые из них высказывали опасения и сожаление, что „под игом тех притеснительных учреждений, которые ныне составляют удел русского раба, стойкое и радостное довольство вольных поколений исчезнет, и донской казак в родном своем краю будет тем, что сегодня представляет из себя московит".

Таким образом, необходимо строго отличать казака в русском и старшинском понимании от казака в понимании казачье-народном и историческом. В каком же тогда смысле надо понимать гордое заявление ст. Збронского, что он — казак душою и телом?

С неменьшей гордостью заявляет далее ст. Збронский, что он — человек беспартийный. Новая фраза и новая спорная и совершенно неверная мысль. В самом деле, что значит быть беспартийным человеком и чем тут можно гордиться?

В странах малокультурных, с деспотическим абсолютистско-монархическим режимом, каковыми до недавнего времени оставались лишь Китай, Россия, Турция и Персия, не допускалось по „закону" и преследовалось полицией и жандармерией существование каких бы то ни было политических партий. Ибо в таких странах народ — не активный участник общественно-политической и хозяйственной жизни государства, а средство, слепое орудие в руках правительства, поставленного волею „помазанника Божия", который лучше, чем сам народ, знает, что хорошо и что дурно для общего блага, так как только ему одному открыты „неисповедимые пути промысла Божия". В таких странах народу остается только одно право — благодарить и восхвалять свое „мудрое правительство" даже и в тех случаях, когда оно снимает последнюю рубаху или отнимает последний кусок хлеба у народа, как это особенно ярко было выражено в старой, довоенной Персии. То же имеет место и при большевицком деспотизме. Тут нет места партиям, тут все беспартийны, а если политические партии и существуют, то нелегально, в подполье, и их члены по понятным причинам вынуждены скрывать свою принадлежность к ним.

В странах же более культурных, с развитой общественной, хозяйственной и политической жизнью, где народ уже стал или становится хозяином и распорядителем своей судьбы, деление его на разные политические партии естественно и неизбежно.

Как мы видели по предыдущей статье, современное гражданское общество во всех странах, на основе законов развития народного хозяйства и вопреки нашей воле, давно уже разделилось на отдельные социальные группы, называвшиеся ранее сословиями, а теперь — классами. Каждый из них обладает специфическими, свойственными только ему одному интересами, которые часто находятся в глубоком противоречии с интересами других классов. Политическая борьба внутри каждой страны и носит по-преимуществу характер борьбы перекрещивающихся и сталкивающихся интересов сословий, составляющих данный народ. Вот почему мы и наблюдаем во всех политически развитых странах наличие многих политических партий.

Отдельные партии включают в свой состав обыкновенно наиболее общественно и политически развитые, сознательные и активные элементы классов, их, так сказать, авангард, который, и является кристализатором, выразителем и защитником интересов своего класса. Естественным завершением подразделения на политические партии было бы такое положение, при котором каждый класс имел бы свою отдельную партию.

Само собой понятно, что в тех странах, — где сам народ является кузнецом своего счастья и своих порядков, никому и в голову не придет кичиться своей беспартийностью, ибо это значило бы расписаться в своей гражданской несостоятельности и признать себя обывателем, которому еще нужен барин, думающий за него и заботящийся о нем. Такое отношение к своим гражданским правам, к политике, а следовательно и к партийной принадлежности в развитых странах Европы кажется просто дичью. Попробуйте похвастаться своей беспартийностью перед германским или чешским рабочим, и он наверное спросит вас со снисходительным пренебрежением, — не рус ли вы или не перс ли?

Это подтверждает и наше историческое прошлое. Когда наш народ сам был хозяином своей судьбы и жил своими республиками, — политическая жизнь его била ключем, и 200—300 лет тому назад он знал разные политические партии и делился на них. Так, и в Запорожьи, и на Дону, и на Урале в разные времена существовали партии: польская и московская, московская и отпадческая, старшинская и народная.

Но такое отношение к политике, какое заявил на парижском собрании ст. Збронский, также не случайно и не с неба свалилось. Оно свойственно и характерно для стран, долгое время находившихся или находящихся под режимом деспотизма, который требует от своих народов только слепого, животного повиновения и налогов, где высшей гражданской доблестью является овечья покорность, пассивность и терпение. Не допуская общественной и политической организованности для других, правящий класс, однако организуется сам, как, например, русское дворянство в прошлом или большевики сейчас. Для того, чтобы и духовно обезоружить народ, ему прививают отвращение к общественности и политике, внушают мысль, что самим Богом одни люди предназначены для того, чтобы трудиться и повиноваться, а другие — распоряжаться и управлять. В ход пускаются все средства духовного обезоруживания: школа, наука, религия, — все превращается в служанок деспотического правительства.

Как ни противоестественны такие усилия правящих, но при отсутствии возможности для противодействия им снизу они все же достигают известных результатов. Ст. Збронский, видимо, и является такою жертвою духовного разоружения деспотическим правительством угнетенного народа. Ничего удивительного нет и в том, что он доволен своею судьбою „при покойном государе императоре".

Пренебрежительное и враждебное отношение к политике, к политической борьбе и к политическим партиям, которые изображаются, как политическая узость, политиканство, кружковщина, основанные на игре „мелкого провинциального самолюбия и тщеславия", является, таким образом, одним из характерных признаков того, что данный народ далеко еще не освободился от наследства недавнего подневольного прошлого, является, с точки зрения европейца, признаком политической некультурности и дикости. И стан. Збронский не один. Таких, как он, много еще среди нас, — людей, и до сего времени продолжающих еще думать по трафаретам, к которым приучали нас веками. Да и все мы в той или иной мере не освободились еще от влияния нашего несчастного недавнего прошлого. Но мы должны освободиться от него, мы должны, как совершенно правильно заявил докладчик, ст. Тульцев, создать свою новую идеологию на основе начал, завещанных нам нашими свободными предками. И в первую очередь мы должны отчетливо понять, что распыленность народных масс есть основная предпосылка для закабаления их малочисленными, но культурно более сильными и, следовательно, даже без формальной организации организованными группами и что успешную борьбу за свое национальное освобождение и социальную защиту народ может вести только в том случае, если он будет это делать своими собственными руками и будет правильно организован. Ибо, если этого не будет, оправдаются те жгучие опасения, о которых в своей прекрасной статье (в №. 78 „В. К.") с таким беспокойством говорит ст. Тырин.

Но ледоход начался, проснувшаяся казачья мысль бурно ломает лед русификации и крепостнической идеологии, и я не сомневаюсь, что общими усилиями Казачество сделает все, что необходимо для своего освобождения.

IV.

Далее ст. Збронский заявляет, что „вольные казаки прекрасно пишут о казачьих страданиях и казачьих правах", что „все это — святая истина". Но это — только слова, разговорчики — де, а вот дела то у них и нет. Поэтому он предлагает быть казаками не только на словах, но и на деле. „Будет дело, ... тогда я к вашим услугам!"

Боюсь, что ст. Збронскому придется записываться в вольные казаки, если он не бросает своих слов на ветер и данное слово умеет держать честно, как то и подобает казаку и телом и душою.

Дело и слова, разговорчики?! Но что есть истина? Что такое дело и что такое разговоры, болтовня? Например, что надо признавать в сельском хозяйстве за „настоящее" дело, — помол, продажу на ссыпку зерна, молотьбу, уборку, посев или пахоту? Ст. Збронский, разумеется, скажет, что все это — дело. А я бы сказал, что это отдельные стадии одного и того же дела, именуемого сельским хозяйством. Ну, а вывозка навоза на пашню, удобрение его фосфатами и проч. минералами, чередование с определенным рассчетом культур, — это — дело? А ведь еще не так давно наш хлебороб считал, что это — не дело. Точно таким же важным делом является и подготовка земли для обработки, — корчевка, осушка, очистка от камней, от сорняков и проч. С неменьшим основанием мы должны признать делом и посещение сельским хозяином сельско-хоз. выставки, составление им годового или сезонного плана работ и чтение с.-х. книг.

А в военном деле разве только сражение необходимо признавать настоящим делом? И разве не такое же настоящее дело обучение солдат военным приемам, стрельбе и проч.; подготовка офицерских кадров в военных школах и т. д. и т. д.? Наконец, разработка генеральным штабом плана возможной войны, нападения и защиты, критика, оценка и поверка их являются такими же настоящими и важными делами, как и само сражение, хотя „действий" тут меньше всего.

Хотя ст. Збронский, видимо, и относится к тому разряду людей, которые думают, что политика есть политиканство и кружковщина, я все же позволю себе утверждать, что она неизмеримо сложнее и тоньше, чем то же военное дело или сельское хозяйство, уж по одному тому, что и то и другое, наряду с остальными общественно-хозяйственными и социальными сторонами нашей жизни, охватываются ею так же, как обучение солдат и работа генерального штаба охватываются во-

енным делом. Политика потому и политика, что охватывает все стороны общественной, а нередко и частной жизни человеческого общества и человека, проникает во все его поры. Не мудрено поэтому, что и элементы, из которых она складывается, бесконечно многочисленны и разнообразны.

Оценивая современное положение казачества, учитывая его историческое прошлое и ища путей для выхода в будущем, некоторые политические деятели его, часто совершенно независимо друг от друга, пришли к одним и тем же основным выводам, а именно:

1. Казачество в настоящее время находится на краю пропасти, — перед ним во весь свой рост встал грозный вопрос: быть или не быть? Может ли оно и в дальнейшем существовать, как казачество, т. е. может ли оно и в будущем сохранять, восстановлять и развивать те особенности своей политической, общественно-экономической и социальной жизни, своей психологии, быта и проч., которыми оно так всегда дорожило, за которые веками боролось, или оно должно окончательно отказаться от всего этого и бесповоротно растворится в волне, захлестывающей нас с севера?

2. Революционные годы, 1917—20, и последующие с исключительной и исчерпывающей убедительностью и наглядностью показали, что казачество хочет быть и в будущем, что оно заявило непреклонную волю к этому.

3. Однако, вся совокупность условий жизни его после потери им своей государственной независимости, за время нахождения его в составе России неуклонно вела и, наконец, привела и поставила его над пропастью небытия.

4. Но несмотря на все усилия России русифицировать казачество, растворить его в среде своего народа, превратить его в одно из русских сословий, наш народ в массе не переставал никогда и ныне продолжает противополагать себя русскому народу, а свои Земли — России.

5. Отсюда — общий вывод, определяющий основную цель наших стремлений и остальные политические задачи: отбросить подсовываемый нам взгляд на себя, как на особое сословие русского народа, посмотреть на себя, как на народ самостоятельный, и, как народу, стремиться к своему национальному возрождению, освобождению и восстановлению потерянной государственной независимости. Сохраниться и развиваться далее казачество может только в своем государстве.

6. Возможно ли это? Да, ибо за это говорит как наше историческое прошлое — до потери независимости в 1671 г. — и недавнее — 1917—20 г. г., так и то общее направление мирового исторического процесса, в результате которого освободились поляки, чехи, латыши, эсты, литовцы, и освобождаются ирландцы, индусы, каталанцы и др. Народ, имеющий непреклонную волю к самосохранению и освобождению, преодолеет все препятствия, стоящие на этом пути.

Так был подведен итог политическим исканиям казачества, буйным фонтаном забившим с 1917 года. И я беру на себя смелость заявить ст. Збронскому и тем, кто еще вместе с ним думает старыми трафаретами, что это — не менее важное и большое дело, чем соответственно — перестройка хлеборобом всего своего хозяйства на новых основах или перевооружение и перестроение всей армии в военном деле.

Так группа деятелей положила начало или вернее, оформила новое течение общественно-политической мысли в казачестве, назвав его вольно-казачьим. Создавая свой печатный орган и приступая к проповеди своей программы, она подобно хлеборобу на новом месте, оказалась не перед готовым культивированным полем, а перед полем покрытым инородными наносами и поросшим шиповником и чертополохом двухсотлетних усилий ассимиляции и русификации казачества. Нужны были огромные усилия для того, чтобы проделать большую предварительную работу по очистке казачьего поля, хотя бы отчасти, от этих наносов и сорняков прежде, чем приступить к пахоте и посеву. Очищенная почва оказалась первокачественно-плодородной, и уже первые брошенные в нее зерна дали прекрасные всходы, которые быстро растут и развиваются.

И, как всегда бывает в жизни, это увидели другие, и одни стали делать то же, а другие почуяв, что поднимающаяся волна общественного движения, может смести их, стали предсказывать, уговаривать, а затем и грозить кровью, ярлыками измены и предательства и висилицами. Но... идеи правят миром, правда побеждает. Прошло всего три года, и молодое вольно-казачье, самостийное движение стало самым сильным и жизнеспособным из всех течений общественной мысли казачества. Оно нашло живой отклик там, в той среде, которая решает дело, — в народной массе казачества. Исповедники вольно-казачьего движения имеются теперь везде, где есть казак.

Смысл того, что имело место на парижском собрании 15 февраля, по-моему, состоит в том, что идеи, выдвинутые журналом „Вольное Казачество", глубоко проникли в толщу рядовой массы казачества в эмиграции и охватывают ее повсеместно. Свою судьбу казак не доверяет больше барину, как бы он не назывался, и, беря ее в свои руки, начинает действовать в порядке собственной инициативы и в соответствии со своим пониманием „порядка общей пользы", на основе своих убеждений. Во многих местах теперь принимаются казаки за раскорчевку и очистку своего поля от хмеречи и чертополоха чужеродных влияний. Парижане раньше других проделали свою предварительную работу, очистили свой участок и сделали пробный посев.

Собрание 15 февраля это — смотр пробного посева. Результаты превзошли ожидания: из 40—60 человек 20 ч. приняло участие в прениях, причем 90% (18 ч.) ораторов заявили себя горячими сторонниками вольно-казачьей идеологии, т. е. всхожесть — 90%, рост — весьма энергичный и активный. А это значит, что доброкачественные семена имеют прекрасную почву. Если не случится ничего необычного, жатва будет обильной. С такими данными можно смело и с надеждою смотреть на будущее. При таких условиях можно не сомневаться, что успех нашему делу обеспечен. А это, как известно, окрыляет и дает новые силы.

Словом, в политике, как и во всяком ином, а тем более большом и сложном деле, делом является не только конечный результат, но и все то, что его подготовляет.

(*Продолжение следует*).

П. Ярмоленко.

„На пополнение".

(Спомини).

3-я кубанська пластунська бригада була таким самим пасинком, а разом з тим і „затичкою" на турецькому фронті, як і решта наших пластунських частин і на инших фронтах. Так само безоглядно кидали її в найнебезпечніщі частини фронту, в місця чи то зосередженого удару противника, чи то небезпечних зі стратегичного боку по своїх природніх властивостях. Коли ж минала небезпека в загрожених місцях, то бригаду перекидали туда, де найтяжче або й зовсім неможливо було наладити постачання.

Тому то мусили пластуни з Аджарії пропластати пішки за одну ніч щось коло 60 верст під Саракамиш, бо ж „победоносное" там не могло без козаків здержати турецького натиску й поставило під загрозу сам Тифлиз.

Тому то 3-я бригада весь час займала один з найтяжчих участків фронту — Понтійський хребет, відкіля її знімали в долину лише під час тяжких боїв під Ардаганом та Байбуртом. Скінчився бій, минула небезпека, — пластуни знов на гори, під хмари. Пластуни, що би-

лися під Різою та Трапезундом, по скінченню бою були відсунуті за 200 в. від моря на ті ж верхи Понтійські.

І тяжко сказати, що більше виснажувало пластунські частини: чи тяжкі бої після таких переходів, як 60 в. за ніч по горах, чи життя в снігових дірах при 35° морозу на голому камінні, без палива, а часто-густо й без харчів, бо ж відомо, як невдало було організовано постачання цілої кавказької армії...

Все це разом призводило до великої страти в людях, якої зовсім не зазнали регулярні частини „побєдоносной".

До того ж ще й бездарне вище командування, а за ним і нижче, часто призводило до зайвих страт в людях. Прикладом бездарности й необачности було штурмування гори Верблюд в районі Байбурта. Гора та була сильно обсажена турками, добре закріплена, приступи були криті перехресним гарматним огнем; це була кріпость, яку порівнююче легко було взяти маневруванням та обходом. Але командуванню забагнулося взяти гору в лоб. Кілька безуспішних атак 14-го пласт. бат. та 16-го Туркестанського полку були турками одбиті з великими для нас стратами. Коли був даний наказ про дальшу атаку, то ані салдати, ані пластуни не рушили з місця... В наслідок цього 11 пластунів та з два десятки салдат були засуджені на смерть і були розстріляні в Байбурті... Для розстрілу були взяті команди пластунів та салдат з проштрафившихся частин під командою своїх старшин. При розстрілі пластуни були змішані з салдатами, бо категорично заявили, що стріляти не будуть. Кажуть, що пластуни дійсно не стріляли... Кілька їх стратили притомність... Тих 11 мертвих пластунів в час революції стали живою перешкодою в порозумінню між козацтвом та командуванням...

По Байбуртських боях в літі 1916 р. пластунські частини вже так поріділи, що на саму 3-ю бригаду требувалось 1500—2000 людей, щоб довести баталіони до нормального стану.

В червню того ж року було зорганізовано на Кубані з кількох відділів поповнення для 3-ї бригади в складі 15 старшин та щось коло 1500 пластунів. Ешелони з окремих відділів: Таманського, Єйського, Майкопського були направлені у Владикавказ, там зведені в один ешелон і дістали маршрут: по Грузинській дорозі до Мсхет (коло Тифліза) пішки, далі — залізницею до Боржома, далі — знову пішки: Ахалцих, Ахалкалаки, Ардаган, Ольти, Мерденек, Байбурт, Колхіт-Чафтлік... Разом пішки щось коло 1700 верст...

На запит, чому саме цей маршрут призначено, відповіли, що залізниця переобтяжена.

Перед виходом з Владикавказу на вимоги пластунів був переведений лікарський перегляд. Недужими приголосилося кілька сот... Треба зазначити, що цілий ешелон був з „лякированих", себто — з евакуйованих, що вже побували на кавказькому й західному фронті по кілька разів, по кілька разів ранені, а більшість з них ще до того й ріжні хороби дістали. Все це всім було відомо, але саме цей массовий лікарський перегляд серед майдану виявив справді жахливий стан здоровля пластунів. Непозаживані як слід ще або знову роз'ятрені рани стрільні, рвані, рубані... Тяжка форма екземи на ногах та инших частинах тіла. У де-кого ноги нижче колін — безформено, набрякла колода, що вже, здавалося, не мала зовсім шкіри, а ятрилася ціла сплошним сизо-червоним струпом з більшими й меншими ранами... Грижі в пахвах, навколо пупка, „під ложечкою", у де-котрих кишки виливаються в мошенку... В ріжних ступнях шанглот, шанкр та тріпер...

Огляд був лише зовнішній. За внутрішні хороби й не питалося... Лікарська комісія пройшла між шерегами хорих, мимохіть лише задержуючись на особливо жахливих явищах та ствержуючи, що все це не звільняє ані від походу, ані від бойової служби й лише „дає право" на амбулаторне лікування... „согласно табели расписания болезней"...

Комісія загально висловилася, що при такому стані здоровля не слід би посилати пластунів у такий далекий похід, але зі штабу армії відповіли: „немедленно выступить по назначенному маршруту"... Треба додати, що ешелон ішов у повному „снаряженію": кожух, бурка, „сидір", винтовка й 120 патронів...

Вже по дорозі до Мцхет (185 верст) добра половино пластунів опинилася боса, а значна частина їх залишилася на комендантських пунктах в наслідок епіденії дізентерії.

Після довгих оббивань порогів багатьох установ та вислухування нотацій та нарікань на адресу козаків, які, мовляв, мусять усе своє мати, — чоботи все ж дістали, хоч і на живу нитку шиті.

Од Мцхет до Боржома їхали ніч залізницею. В Боржомі були здивовані, бо ж, мовляв, цей шлях в стані ліквідації. Дивувалися, чому ешелон не повезли через Батум на Трапезунд морем. Справді — той шлях був уже вільний, а од Трапезунда до росположення бригади коло 200 верст...

Далі — пішки по звичайній грунтовій кам'янистій дорозі, серед диких, голих скель та круч в липневу 45° спеку... Ахалцих, Ахалкалаки, Ардаган аж до Ольт на старому русько-турецькому кордоні — скрізь ще малися комендантські пункти з сякими-такими засобами харчів, а зрідка й з лікарськими станицями. Але вже на цьому переході пластуни діставали полуголодні пайки та ще й з напів-згнилих продуктів і примушені були йти „попасом"... Віджвлялися овочами — шовковиця, груші, зелені яблука, варена пшиниця, зрідка мед з шовковиці... Створилася легенда про палатку-невидимку, якою ніби-то досить було махнути на кущанку гусей чи отару овець, як гуска чи вівця зникала невідомо куди... Справді було кілька жалоб, але що могли зробити старшини з масою голодних, виснажених, зневірених, свідомо чи не свідомо провокованих „лакированих", що ростяглася на 30—50 верст!...

В Мерденеку в ночі, коли там відпочивали пластуни, зникло безслідно кілька комендантських овець... Не поміг ані гнів та загрози комендантa, ані найсуворіший допит пластунів та перетрус їхніх сидорів, — слідів не знайдено жадних...

Хоч на переході Боржом — Ольти ще малася незначна кількість підвод, на яких везли частину пластунського майна та найбільш підбитих пластунів, до Ольт дійшла менша половина ешелону. Роз'ятрені старі рани, згіршені комплікаціями старі хороби, тяжкі шлунково-кишечні немочі, пропасниця, ростерті до крови ноги з кривавими пухирями на підошвах, бо ж интендантських чобіт вистачило лише на пару десятків верст, — все це примушувало пластунів залишатися по дорозі в цій голодній, далекій, чужій країні без надії дістатися знову до своїх. Пластуни взагалі і в мирних умовах нерадо залишалися одинцем чи навіть групами серед завжди й скрізь ворожого до косацтва оточення „побєдоносного воинства". Тим більше в таких умовах тягли вперед з останніх сил, бо ж єдино свій край — Кубань залишився за тисячу верст позаду, а єдино свої частини були за сотки верст спереду в чужій невідомій країні, а де будуть за якийсь час?...

Перед рештою ешелону, загально здоровіщою, одібраною, так би мовити, „природньо", але значно вже виснаженою, лежала далі справжня пустеля.

Ще в Ардагані комендант — донський полковник — попередив, що за кордоном жадних комендантських пунктів немає, що там ця дорога ліквідована остаточно, а населення втікло з турецьким військом. Між иншим це був єдиний комендант на довгому шляху, який не обмежився здивуванням, а зупинив ешелон і рішучо закрочив перед штабом армії, настоюючи, щоб маршрут був змінений на Батум або Карс. Але марно. В штабі армії або ж не знали, що робиться в тилу армії й на фронті, або ж свідомо не хотіли, щоб поповнення пластунської бригади сталося... Козаки й старшини приймали все це, як чиюсь злу помсту й глум, або ж свідому провокацію.

Послідній комендантський пункт був на самому бувшому кордоні, розташований в кімлицьких юртах, бо ж околишні села були зруйновані. Далі аж до Байбурта, щось коло 200 верст — справжня пустеля: одноманітне, безплодне, камянисте плоскогірря з рідкими скалистими верхами та безлюдними руїнами убогих турецьких сел.

Похід цією пустелею обтяжувався ще й тим, що пластуни мусіли нести на собі ціле снаряження й зброю. При ешелоні малася зброя всіх тих, що відстали по дорозі. Цю зброю комендант не хотів прийняти й настоював, щоб ешелон ніс її з собою. Себто — кожний пластун, крім кожуха, бурки й сидора, мусів би нести що найменше дві винтовки й 240 патронів... Зате жадного запасу харчового з собою не мали... Це урвало терпець не лише пластунів, а й старшин. Останні рішучо запротестували проти подібних роспоряджень. Комендант прийняв це, як бунт, і відповідно інформував корпусне начальство (звичайно — аж коли пластуни зникли за верхами...) Зайва зброя була залишена просто коло комендантських юрт з кількома хорими пластунами, яко вартою. Все це було поставлено в вину ешелону разом з попередніми сутичками з комендантами на грунті харчування то що, що слідом за ешелоном летіли телеграфом до штабу корпусу.

Далі ешелон ішов „россипним строєм" в широкому значінню цього терміну. Про дисципліну й який будь порядок не могло бути й мови. Окремі менші й більші групи й одиниці тяглися манівцями. Ешелон ростягся не лише в глиб, а й у боки. Молодші й здоровіші заглиблювалися далеко в сторони, нишпорячи за харчами по порожніх селах. Слабіші збирали по випалених сонцем нивах пшеницю... Само собою, що сталося кілька випадків насиль, бо ж турки, що випадково залищилися, енергійно боронили свої убогі запаси харчів.

Натрапили на групи салдат, що були залишені фронтовими частинам, збирали нескошену турками пшеницю, молотили на примітивних токах й мололи пополам з камінням... Хліб з тої муки не можна було жувати, треба було ковтати нежований. В наслідок — крівавий понос та катаральні запалення...

Коли прийшли в Байбурт, де був лазарет, то лікарі ствердили, що посилати цих людей на фронт можна хіба лише для того, щоб обтяжувати прифронтові лазарети. А все ж послали далі. Залишилися лише ті, хто йти не міг, бо ж до фронту залишилося якихось 130 верст, й перехід цей був значно легчий, бо ж було що їсти.

Та до бригади дісталася лише третина тих, що були послані з Кубані, та й ті з остаточно підірваним здоровлям, що незабаром і виявилося.

Старшин ешелону ще довго тягали в корпусний штаб для пояснень в звязку з доносами панів комендантів.

Санжа Балыков.

Лама Менько Борманжинов.

(К 12-й годовщине смерти).

В 1771 году калмыцкий народ, спасаясь от все глубже заливающей его народное тело русской колонизационной волны, в которой передовые умы народа не могли не видеть начала больших национальных испытаний, ушел (в количестве двух третей) в пределы Китая, так легкомысленно разрешив свой вопрос. Случайно оставшаяся часть калмыков неизбежно должна была подвергнуться процессу вольной или невольной ассимиляции, или, как, говорят, „благотворному влиянию русской культуры".

Конечно, денационализационный процесс совершался медленно, для народн. массы почти незаметно, постепенно, шаг за шагом завоевывая все новые и новые области в быте и духе калмыцкого народа, исподволь поражая умы новых поколений, но настолько успешно и верно, что последние десятилетия перед Великой войной жизнь калмыцкого народа шла уже под знаком несомненной потери им своего национального лица.

Самым грозным явлением в этом русификационном процессе было то, что сам народ переставал сопротивляться вторжению в его жизнь чуждых элементов, переставал видеть в этом вредный для его души и тела фактор. Это положение усугублялось тем, что сознательные и авторитетные в народе верхи, умелой политикой русского двора были искусно отрываемы и с титулами „князей" растворялись в массе русской аристократии. В довершение к этому и те калмыки из народа, которым удалось так или иначе получить образование, заместо служения своему народу, жизни среди него, роли моральной скрепы в его среде, бросали свои степи, отрывались от родной почвы и тянулись в русские города...

На фоне этого безрадостного явления единственным поборником национальных начал являлось наше духовенство. Только оно защищало, как умело, национальные, бытовые и религиозн. основы жизни калмыцкого народа. Во главе этого духовенства на Дону в последние 20 лет стоял Лама Менько Бакеревич Борманжинов.

Весною 1855 года, когда одна из сотен Бокшурганской станицы стояла весной стоянкой на тучных лугах верховья речки Боглая, у зажиточного калмыка Бакра родился будущий духовный глава калмыцкого народа. Семья у Бакра была многочисленна, кроме новорожденного было у него еще 7 детей. Как и водилось в те годы, один из сыновей должен был быть посвященным служению Богу в знак благодарности за Его к нему благоволение. Третий сын — Менько с 7 лет был отдан в манджики. Числясь манджиком, он большую часть времени продолжал быть дома, а не в хуруле и пас овец своих родителей. Так продолжалось долго, но на 15 году Менько вдруг категорически отказался выгонять овец: он решил учиться, чтобы сделаться Ламой или... генералом. Оказалось, что мальчик не только пас овец, но и готовился в тиши степной и за это время хорошо усвоил тибетскую грамоту и бегло читал книгу. Но родители особого значения не придали заявлению своенравного мальчика и настаивали на выполнении пастушеской роли. Но оказалось, что дело было задумано не на шутку. В это столкновение Менька с отцом вступила бабушка и поле спора осталось за ним. Вскоре Менько позади верблюжьего горба уже путешествовал в далекие „дербеты" вместе с караваном тогдашнего Ламы Аркада Чубанова. Пять лет учился он в одном из деребетских хурулов при старом и почтенном Ламе и, прибыв домой гелюном, 25-и лет стал бакшой своего станичного хурула. Обладая большими познаниями, как буддийский священник, будучи энергичным, честным и умным руководителем в жизни своего хурула, он скоро стал известен не только в своей станице, но и в других.

Когда освободился пост Ламы Донских калмыков, его имя фигурировало, как одного из двух кандидатов на этот высокий и почтеный пост среди своего народа. Богатство, связи и возраст другого кандидата не помешали ему быть избранным представителями духовенства и мирян на престол Ламы.

Достигнутое высокое положение не успокоило его пытливый ум и кипучую энергию. Он не оставлял своей давнишней мечты с'ездить в Тибет, побывать у самого Дала-Ламы и поучиться у него. С этой целью он троекратно предпринимал путешествие, но каждый раз наудача возвращала его обратно. Раз он добрался до монгольского монастыря „Гум-бум", но Дунганское восстание помешало дальнейшему продвижению. Другой раз он доехал до Пекина, но не мог доехать до Тибета. На этот раз он вывез знаменитую Буддийскую духовную энциклопедию „Ганджур-Данджур" что явилось для калмыков в России большим религиозным событием.

С годами авторитет Ламы рос все больше и больше; влияние его на народ было громадно и он все с большей энергией боролся с русифицирующими факторами в жизни калмыков. Но не дремала и русская администрация. Пока он ездил в Тибет, наказный атаман Святополк-Мирский успел закрыть хурулы в четырех станицах, а где и приступить к постройке православных

храмов. Больших трудов стоило Ламе добиться открытия запечатанных калмыцких храмов и освободить арестованные предметы богослужения.

Пост Ламы имеет за собой не только религиозные, но и большие светские права, а потому русское правительство давно уже добилось такого положения, по которому калмыцкие Ламы утверждались русским императором. Положение это, конечно, было создано не для приятной церемонии утверждения, а для того, чтобы в нужном случае иметь возможность не утвердить „неприятного“ кандидата. Избрание на пост такого энергичного и ярого националиста, как Борманжинов и дало повод русскому правительству воспользоваться правом неутверждения. Всенародно избранный Лама, достойнейший буддист оказался „неподходящим“. Десятки лет ходатайств, всяческие тайные и явные шаги, принимавшиеся для утверждения Ламы на его посту, не привели ни к чему. Только возвращение Дона к самостоятельной жизни дало возможность официально утвердить его в звании Ламы, а до тех пор, в официальных случаях он принужден был пользоваться титулом — бакша Донских калмыков, хотя ни один калмык, кроме очень русифицированных элементов, не называл его иначе, как — Лама.

Лама Менько Борманжинов.

Лама Борманжинов начал организованную борьбу с обрусением калмыков. Не ограничиваясь зажигательными проповедями в удобных случаях в пользу сохранения своих национальных обычаев, исполнения религиозных требований, ношения своей национальной одежды, борясь против употребления всего чужого, он собрал из всех хурулов способных и молодых гелюнов и гецюлов и провел их через свою школу. Он воспитывал их в строго национальном духе и из этих священников выходили впоследствии лучшие хурульные бакши, влияние которых на народ давало хорошие результаты. Влияние же самого Ламы было велико. Под его влиянием многие миряне нашей станицы бросали курить, пить, а иные отказывались от мясного, доходя до аскетизма; женщины переставали употреблять дорогие и блестящие украшения, переставали носить расшитые золотом шапочки, пояса и нагрудники, а на многлюдные престолы нашего хурула ни один калмык не показывался в русском одеянии.

С помощью этих же своих учеников он заложил начало издательской деятельности хурулов. Было издано несколько брошюр с религиозно-поучительным содержанием. Наряду с этим он начал еще одно большого значения дело: калмыки до сего времени пользуются молитвами, заучиваемыми на непонятном для народа тибетском языке. Этот недостаток был замечен Ламой Борманжиновым и он, со свойственной ему смелостью, принялся за реформацию. Он начал переводить молитвы и богослужение с тибетского на калмыцкий язык. Благополучное завершение этой реформы имело бы большое значение, но наступившие события помешали тогда этому делу.

Рослый, худощавый с острым носом на пергаментно-желтом лице, с горящими пронизывающими человека глазами — внешность Ламы надолго запечатлевалась в памяти человека. Громкий голос и внятное, раздельное произношение слов придавали особенную покоряющую силу его проповедям.

К калмыкам, получившим русское образование, видя в них верных проводников русификаторских начал, Лама, как и большинство старого нашего духовенства, относился неприязненно, но и здесь он оказался на высоте разумного человека: познакомившись и поговорив с единственным тогда среди донских калмыков человеком с высшим образованием — Б. Улановым, Лама понял, что не все получившие образование в русских школах могут быть русификаторами, а и настоящими националистами и полезными народу деятелями, он быстро переменил свое отношение к молодежи, учащейся в русских школах, и обратил на них внимание. Добившись назначения на места преподавателей калмыцкой грамоты и буддийского вероучения хорошего учителя и священника, он начал каждый год ездить в городское и реальное училище в окружной станице Калмыцкого округа и лично экзаменовать.

В 1919 году Лама был 64 летним старцем, но еще бодрым и энергичным. Наступившие революционные события произвели на него потрясающее впечатление. Близким людям и старикам он говорил, что наступает время больших несчастий для мира. Весною того же года, в беженском таборе на Кубани, кажется в районе Кущевки, он заболел тифом и умер, оплакиваемый многими и могими мирянами.

Так жил и кипуче работал, борясь за сохранение самобытности калмыцкого народа Лама Менько Бакеревич Борманжинов. В портретной галлерее калмыцких национальных деятелей портрет Ламы Борманжинова будет висеть на первом месте.

М. Битинський.

На увагу „єретикам“.

(Лист до редакції).

Орган українських націоналістів „Розбудова Нації“ за березень — квітень 1931 р. у розділі „Єретичні думки“ знов піднесла сюрприза і нам, українцям, і вільним козакам. На безперечну користь наших загальних ворогів москалів „Розб. Нац.“, що наче б то снажиться виявити собою „фокус найсвіжішої, найширшої та найяснішої української політичної думки“ і квінт-есенцію українського національного духа, від якогось часу прийняла скрайньо ворожу поставу проти вільно-козацького самостійницького руху, та час од часу штовхає в бік козаків, маючи певно завданням викликати розбрат і тертя між двох сусідних народів, що стають спільно до боротьби за волю. Ставка, безперечно, — московська: москаль — згори, а „свій брат“ — знизу; але ціль одна: дратуванням і задиранням розбити союз вільних з вільними, не допустити до об'єднання в майбутній боротьбі з гнобителем. Ліпшої прислуги Москва всіх відтінків мало від кого може і ждати.

Нас, українців, найбільш мусіло б зачіпати, що ця провокація, ведена свідомо чи несвідомо руками „Розб. Нац.“ і розрахована на викликання ворожнечі чи бодай будь неприязні між нами та козаками, прикривається наче б якимись істотними інтересами України; обурює нас те, що самі ж українці свої плани прикривають імям нашої Батьківщини. Що ж це справді так, і що в недостойній грі „Р. Н.“ з козаками проступає на зверх, як що не просто інтрига на московський лад, то принаймні московський спосіб думання (наша матушка Расея — всему свету галава) з присвоєною йому властивістю хлоп'ячої бундючности, неповаги і насмішкуватости в відношеннях до инших людей і народів — свідчить замітка про козаків в „Єретичних думках“ „Розб. Нац.“ за березень — квіт. Автор тієї замітки, б'ючи наче б на якусь справді оригінальність, глибину та дотепність своїх „єретичних“ думок, з невибачливою

легковажністю торкається, — ні до села, ні до міста — і козацького питання.

Переповівши за офіційними російськими шкільними підручниками „історію“ козацтва, що склалося наче б з „беглих“ московських „людишек“ (так вчить і московська історія) та відмітивши „лакейську ролю“ козаків у службі московським царям за „привілеї“ (а боротьба козацтва з Москвою? А Разін, а Пугачов, а Булавін?), — висловлює, нарешті, цей „єретичний знавець“ козацьких обставин і відносин, думку про історичну необхідність для козаків зробити зворот фронту від Москви до України (?), себ-то по-простому, від „сословної“ служби Москві повернути до такої ж „воєнної стражі“ Україні на її пограниччу. (Хто б боровся за зміну пана над собою? — льогіка!...)

Що цьому „єретикові“ до справжнього знання історії; що йому до аналізи і синтези тих соціяльних й історичних процесів, що відбуваються на Сході Европи; що йому до боротьби поневолених Москвою народів; що йому до блищого вивчення й зрозуміння козацького самостійницького руху; що йому до снаги поневолених народів утворити спільний великий союз проти московського імперіялізму; що йому до зрозуміння політики поясного окруження Москви із заходу, півдня і сходу; що йому, нарешті, до зрозуміння справжніх інтересів, вигід і сучасних завдань рідної Батьківщини? Що тому „мудрому“ писяці до всього цього і навіть бодай до справжнього єретичного думання з елементами новизни, оригінальности, льогічности, гостроти і переконливости? Перекинув московську думку шиворот-навиворот і вважає це за справжній оригінальний „єретичний“ винахід... Варто про ці „єретичні думки“ відповісти авторові його ж словами: „Дарма заходи! Бо що там не кажи й не пиши (папір усе терпить!), але ж шило з мішка лізе. З усіх тих міркувань... недвозначно виглядає“... (додамо від себе): повне незнання, незнайомство з предметом, надута бундючність, нахабна самовпевненість і... щоб не сказати чогось більшого...

Осмілюємось зауважити усім „єретикам“ з малоросійською звичкою думанння, що справа сучасних історичних рухів поневолених Москвою народів так наївно вирішуватись не може; та що і козацький самостійницький рух вимагає від нас, українців, глибшого його вивчення, зрозуміння та не так легковажного означення. Від цих усіх питань, прикриваючись наче б всякою там „єресю“, „оригінальністю“ та хлоп'ячими жартами і штовханням попід боки, не відкрутишся. Справа нашої майбутньої боротьби з Москвою вимагає до себе мужнього, достойного і серіозного відношення. І не має чого, користаючись із своєї громадянської та національної невідповідальности, підносити голос наче б в імени України та навязувати батьківщині невластивих їй ніби то національних та державних завдань, що куються так невдало й виголошуються за український месіанізм.

На нашу думку, не в наслідуванні московського імперіалістичного месіанізму полягає майбутня слава і велич нашої Батьківщини; не гноблення, поневолення й „лакейський розбрат“ инших народів є моральним імперативом Україні, її історичною місією — суджено її історією й вищими вимогами моралі не поневолювати, а стояти на чолі поневолених народів в спільному бою за правду і свободу; не знижувати чужу гідність, а бути самій першим прикладом вищої національної духовної гідности і лицарських чеснот. Не за московськими взірцями думання і поступування йти Україні, а за заповітними традиціями прадідів-борців, що вірно плекали ідеал свободи, за прикладами нашого козацтва і Запоріжжя, що ходили „братів визволяти“ і готові були завжди і скрізь озватись на заклик свободи, на гук боротьби за волю. В цьому є справжнє розуміння духа свободи. Україні суджено не катом бути Свободи, а світлим ангелом Волі серед народів... Ось її месіонізм...

Думы и мысли.

А. Бабков. (*Румыния*).

Призыв.

Бывают тяжкие минуты в жизни —
Тоска по родине берет свое...
Но гордость — я казак и сын своей отчизны —
Теснит тоску и сердце радует мое.

. . . . . .

Как много казаков сложили там головушки,
За Волю и за Край идя против врагов!
Не дождались они казачьей волюшки,
И за пролитую не отплатили кровь.

Станичники, здесь вспомнив их, об'единитесь!
Вы вольного тут изберите Атамана
И с ним вперед на Родину стремитесь,
С казачьим флагом — против басурмана.

Нас много здесь, заброшенных далеко,
И все мы с мыслею одной — свобода!
Мы верим крепко и глубоко:
Придет он, Воли час, для нашего народа.

Виктор Галганов. (*Югославия*).

Я казак...

Я казак! Мой порыв не убит;
Сталь, свинец и орудий гром
Пусть в бою надо мною звенит...
Я казак! — отзывается „лом“.

Я казак! Я боязни не знаю,
Своему я несчастью смеюся сам
И врагу дерзко в очи смотрю я...
Нужна ль жизнь моя — жизнь отдам!

Я казак! сын могучего Дона,
Мои братья с Кубани и Терека...
Защищать до последнего стона
Буду я беспредельность их берега.

. . . . . .

Я казак! — с тех мест, где цветы
Одели родимую степь ковром,
Где казачьи могилы, кресты
Говорят о недавнем былом.

Проснись казак!

Как раньше, так и теперь особенно, когда инициаторы журнала „В. К.“ смело подняли знамя Казачьих Земель, нам всюду и везде твердят русские люди и наши некие ученые мужи, что мы, казаки, не народ, что мы не имеем никакого права пред'являть какие-то претензии на самостоятельное существование, что мы — кровь от крови и плоть от плоти русского народа. Что мы, к тому же, и не из лучших слоев его, а из былых холопов, беглых рабов, трусливо удравших с „родных“ очагов, бросив на произвол свою семью, дома, хозяйство. Что нет в нас ничего святого; что казак всегда несет в себе зародыш измены, предательства, злобы, нежелания подчиняться, глупой — необузданной воли; всего, всего, что ведет лишь к „развалу“.

Пусть говорят так русские люди, пусть подпевают им и кой-кто из наших ученых мужей, которые забыли свою метрику и не хотят считаться со своей историей; забыли дела своих предков, которые „у Москвы как жить“ не спрашивались. А теперь именно они как истинные, неподкупные холопы-рабы, как нищие духом, крехтят, спотыкаются, но, закусив удила, тянут к „Единой Неделимой“, к стопам „предполагаемых“ вождей. Ходят по пятам этих „избранников божьих“, готовы целовать

следы их ног. Готовы, как Голубов некогда, собирать окурки „вождей" русских людей и считать себя счастливейшими в мире в этот момент от сознания, что удостоились такой благодати. Пусть они поют им диффирамбы, пусть превозносят их до небес, пусть преклоняются перед величием „владык", пусть... Пусть, восторгаясь ими, оплевывают нас, казаков, нашу честь, наши реки, степи и горы; пусть клянут наших дедов и отцов! Но, мы знаем, что мы казаки! Мы не можем отрицать, что мы имели и имеем нечто общее с русским народом, как таковым, но мы знаем также, что много в нас и не русского — здесь есть и часть от турок, татар, греков, поляков, горских народов, половцев, ногайцев. Но все это — „примеси", а о с н о в а у нас с в о я. Больше всего у нас — своего. Близкое и долгое сожительство как с теми так и с другими в разные периоды истории заставляет нас думать и говорить, что считать себя 100% русскими (утверждения г. Чапчикова) мы не можем. Слава Богу, что мы казаки!

Ведь ругая и оплевывая нас, они и сами с собой так поступают. Ибо некоторые из них принимали самое живейшее участие в выработке наших конституций. А один из них, как юрист, приложил все свои знания, чтобы после известного быть может колебания, но все же пойти на такую формулировку I ст: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства".

Да, — самостоятельное и независимое!

А теперь некий профессор наук на весь мир смеется над этим, говоря, что кто это создавал, те не понимали что они творили. Ведь это же были в большинстве люди от сохи. Ну разве ж это было серьезно, разве был здесь проявлен хоть какой либо государственный ум, ответственность перед пославшими их!? Ведь „параграф первый Донской конституции мало соответствовал подлинным настроениям казачества" — (см. „Посл. Нов". №. 3608). По его мнению, это было просто игрой „впредь до" и смешно теперь брать в основу своих чаяний этот параграф. Ведь это же смешно, ой как смешно! И злая ирония несется на весь мир. Так говорит профессор. А другой, не замечая, как тот издевается над ним же, соучастником выработки этой конституции, перебирает пальцами, сочувственно покачивает головой и поддакивает.

Пусть поют на все лады, но мы хотим знать причину их расхождения с нами, казаками, хотим знать свою историю былых времен, хотим знать — почему мы казаки, а не русские крестьяне.

Не потому же, что нас так определили, как легко вооруженных всадников! Не потому же, что мы жили на Дону, Кубани, Тереке и Волге. Почему среди нас так часто слышится горделивое, „да мы — казаки", „слава Богу, что мы казаки"!

Нас интересует: почему, если мы только беглые крестьяне Московии, почему могущественные тогда турки и татары сносились с нами в былые времена как равный с равным? Почему Москва вела с нами сношения через Посольский приказ, принимая наши „станицы", как послов иностранной державы?

Почему московские князья той эпохи, упоенные своими успехами по расширению границ Московии; гордые сознанием своей мощи над слабыми соседними народами; так жестоко, грозно и беспощадно расправившиеся с „Вече", этим высшим проявлением воли свободных граждан вольных республик Новгорода, Пскова и Вятки; почему они допускали возможным для себя сношения со вчерашними своими „беглыми крестьянами" на равных основаниях с другими государствами?

Почему русские люди мирились с крепостным правом, когда бояре и вельможи продавали их оптом и в розницу, когда их меняли на собак, когда их не считали за человека. Они мирились, а казаки никогда!

Почему несколько тысяч казаков, бросив родные места, под начальством Некрасова, двинулись с семьями в Турцию, страну чуждую по вере? Что за причина заставила их так поступить? Если просто не любы были порядки свои, то почему бы не идти не север в Россию, а не в Турцию? Нам хочется знать — какая причина заставила русских царей так грозно, безжалостно расправиться с нашими Атаманами: Разиным, Булавиным, Пугачевым. Если они, по их мнению, были преступники то почему Платов, вплетший так много лавров в венок России, почему он сидел в тюрьме?

Нам надо знать, почему они, правители России, считали, что школа для нас разврат.

Все это мы должны знать, чтобы не делать в будущем ошибок, научиться служить Казачеству, уметь уважать и любить его. Все для Казачества и все для Казачества!

Путь наш мы находим в движении, поднятым журналом „В. К." Он открывает нам глаза, он дает нам материал для рассуждений, для познания самих себя. Он нас будит от сна и зовет, зовет любить, верить, защищать, проповедывать и стремиться всеми силами своей души и тела к общему делу — к созданию своего вольного, ни от кого независимого, ни перед кем не преклоняющегося отечества — Союза Казачьих Войск — Казакии!

Поэтому все мы должны читать журнал „В. К." все должны говорить и писать. Умеешь или нет, говори и тебя поймут.

Читай, казак, проф. Сватикова „Россия и Дон". Он хоть и не казак, но надо иметь слишком много любви к Казачеству, проникнуться его идеями, знать и уважать уклад его жизни, чтобы в течении нескольких лет кропотливо, неустанно трудиться над созданием его истории. Долго копаясь в архивных данных; стараясь спокойно и беспристрастно рассматривать их, как историк, подвергая их строгому анализу, как юрист, он впервые дал нам красочную картину существования Вольного Донского Казачества от 1549 г. до наших дней. Большое ему спасибо!

С ним можно соглашаться или нет, но надо знать, о чем он говорит. Надо знать самих себя.

Надо знать и хорошо изучать историю И. Ф. Быкадорова, который смелой мыслью пробрался узкими, трудно проходимыми тропинками в глубь истории, чтобы посмотреть были-ли люди на наших землях до 1549 г. Это не есть желание довести свое начало до Адама и одеть его в лампасы. Нет, он попробовал исследовать жизнь наших степей в период, зафиксированный историей. Могое мы узнаем здесь, во многом наши взгляды приобретают иное направление и, многие из нас, после знакомства с ист. Быкадорова, откажутся от русского происхождения.

Надо хорошо быть знакомым с экономическим обзором наших земель инж. В. Бейсуга, где вы ясно увидите — насколько богаты наши края, насколько они имеют возможность жить самостоятельно, как они своим богатством вчастую превосходят многих из существующих государств.

Все это узнавай казак; читай и разспространяй в своей среде. „Одно дело вернуться домой в одиночку, ничем не связанным идейно, принести туда муку и боль своей души, которых там и без того достаточно. И другое дело — придти политически организованными, подчиненными одному общему плану работы, придти так, чтобы каждый из нас не только знал там свое место, но и то, что делать ему на этом месте" „В. К." №. 12, 1928 года.

Не с рассказами о нашем горе, о наших скитаниях, муках в поисках куска хлеба, о тяжелой, непривычной работе на заводах. Не плакать перед ними о тяжелой доле казаков на чужой стороне. Все это они знают и испытывают лишения, быть может, во сто раз больше нашего. Не с этим ноющим чувством должны мы явиться в родные станицы. Мы должны принести домой ясно осознанную идею восстановления Казачества; веру в лучшее будущее нашего народа, любовь к свободе и независимости, стремление и уменье провести в жизнь заветы старины далекой. Сделать снова так, чтобы казаки не спрашивали у кого-либо разрешения, когда и что им надо делать.

Поэтому еще раз говорю — надо читать, беседовать друг с другом, чтобы каждый из нас, разойдясь по своим станицам и хуторам, мог бы твердо, уверенно, убежденно проводить идеи Вольного Казачества там дома среди своих куреней.

Кто может сказать, что кубанцы слабо боролись против натиска красных полчищ. Каждый знает, как не

раз и не два они храбро и смело шли на врага, как они били, трепали его, всюду и всегда чувствуя над собой весело колышащийся стяг Кубани.

Но вот налетело облачко, затуманилось знамя Кубани и солнце как будто примеркло; горизонт покрылся тучами; рванул ветер с чужедальней северной страны и вдруг... видят кубанцы, как знамя их затрепетало, свернулось и перед ним, закрывая его, развернулось широкое полотнище других цветов, где девизом служит „Единая, неделимая". Поникли чубы. Как по мановению волшебника пронеслась среди кубанских полков тяжелая, страшная весть — Кулабухов повешен! Это другой уже по счету... в глубоком тылу... дома!?...

Не знавшее страха перед врагом, сердце кубанца дрогнуло, сжалось от горькой обиды, неправды к себе. И все, как один, повернули коней и... домой, домой, туда на Кубань! Примкнули донцы. И широкая волна человеческого моря понеслась на юг, на юг.

Хочется знать — кто виноват? Казаки, иль кто другой? Казаки-ль изменили или им изменили?!

Все это надо знать, во всем этом надо разобраться нам, рядовым казакам. Проснись казак, открой глаза, спокойно разберись в былом и смело и бодро с верой в себя иди вперед! Толкай соседа, разбуди, тормоши, говори ему — довольно спать, проснись!

А. Трофимов.

Казачья эмиграция.

В Париже.

24 мая сего года Донская Станица в Париже устроила собрание казаков всех казачьих Войск для обсуждения поднятого на прошлом сборе станицы вопроса о создании казачьего кооперативного общества на паевых началах, о постройке в Париже доходного „Казачьего Дома", доходы с которого должны быть обращены на создание предприятий (маленькое хозяйство в провинции), где члены общества могли бы находить поддержку, приют на случай старости и инвалидности.

Атаман станицы, А. Н. Трофимов, для сведения вновь явившихся на собрание казаков сделал информационное сообщение о тех мотивах, которые повелительно диктуют каждому серьезно призадуматься над вопросом личного будущего, о необходимости создания какого-то дела, которое могло бы приходить на помощь. Также ознакомил собрание о результатах своих переговоров с французским адвокатом по поводу возможности постройки эмигрантской организацией такого дома для эксплоатации, о путях, как это лучше сделать. Данные адвокатом заключения очень благоприятны для задуманного дела, по крайней мере, согласно утвержденного французскими властями устава станицы и с точки зрения французских законов — постройка такого дома и его эксплоатация вполне допустимы.

В обсуждении поднятого вопроса приняли участие многие, высказавшие разные соображения, ибо сама мысль приветствуется всеми; делались разные предположения. Между прочим, было предложено: поручить правлению станицы выработать, при помощи французского адвоката, проэкт устава будущего общества, размножить и с об'яснительной запиской к нему распространить среди казаков, а затем созвать учредительное собрание предполагаемого общества. Как проэкт, предполагалось назвать будущее общество: Кооперативное общество „Казачье Единство".

Но выяснилось, чтобы составить проэкт устава при помощи французского адвоката, размножить, разослать и произвести другие, связанные с этими шагами расходы потребуются несколько сот франков, каковых правление станицы не имеет, а также было высказано, что прежде чем принимать какие-либо конкретные шаги, делать значительные расходы, необходимо хорошо и много раз обсудить вопрос со всех точек зрения, еще созвать несколько предварительных собраний, и только тогда, когда настроение казаков определенно выяснится, когда достаточное количество казаков пожелает создать такое дело и из'явит готовность на материальные жертвы, необходимые на первое время, — только тогда приступить к созданию общества, к практической работе.

Поэтому собрание решило созвать еще одно такое же собрание из казаков и коренных крестьян всех Казачьих Войск для продолжения обсуждения поднятого вопроса, о чем правление станицы об'явит в газетах.

Надо только пожелать, чтобы эта хорошая мысль, родившаяся в голове казаков, горьким опытом пришедших к сознанию необходимости серьезной организации для самопомощи и взаимопомощи, — не умерла, а нашла побольше сторонников и как можно скорее претворилась в реальное дело.

Будем верить, что идея инициаторов найдет широкий отклик.

(Соб. кор.)

Письмо в редакцию.

Многоуважаемый станичник редактор!

Покорнейше прошу не отказать в любезности поместить в уваж. журнале несколько слов по поводу „бюллетеня-информации" Брненского студ. хутора, помещенной в апрельском номере „Кавказского Казака". Я прошу о позволении подать со своей стороны некоторое пояснение к „информации", не для того, чтобы разбирать мальчишеские поступки неудавшихся политиков, а лишь для того, чтобы эта заведомо неправдивая „информация" не вызвала сомнений у казаков, меня не знающих, о моей личности. Кроме того, атаман названного хутора рассылает подобные „информации" на все меридианы земного шара и особенно вольным казакам, еще состоящим в Брненском студ. хуторе, очевидно, с целью дескридитировать меня в глазах последних.

Дабы не уклониться от сути, позволю себе сначала опровергнуть „доводы" хут. пр—ия, приведенные против моей заметки „О дне казачьей скорби", а потом в двух словах пояснить, как „родилась" эта информация, касаемая меня.

Прежде всего считаю пр—ие Брн. студ. хутора весьма наивным, если оно судит о силе вольных казаков хутора по количеству подписей под поздравлениями редакции журнала „Вольное Казачество". Людям, старающимся играть первую скрипку в политическом концерте, эта наивность совсем не к лицу. Пр—ие пишет: „Мы категорически опровергаем утверждение, что половина членов Брненского хутора „вольные казаки". Пр—ию известно лишь о 6-ти казаках, подписавших поздравление редакции журнала „Вольное Казачество" по случаю трехлетнего его юбилея. Брненский хутор состоит из 66-ти человек и приведенная выше цифра, является едва одной десятой общего числа членов (один из подписавших это поздравление потом снял с него свою подпись)."

Повторяю, что пр — ие оказалось весьма наивным, в чем убедился и сам атаман, И. С. Алейников, ибо вольных казаков, проживающих вне Брно, совсем не знал, что лишний раз доказывает популярность И. С. Алейникова среди казаков, которые, повидимому, были весьма осторожны в отношении И. С. А с каким злорадством написана фраза в кавычках. Посмотрите, мол, на вольных казаков, какие они неустойчивые. Поздравил, а потом подпись снял. Чтобы не вводить пр—ие хутора в заблуждение и чтобы пр—ие в свою очередь не вводило в заблуждение читателей „Кавказского Казака", позволю себе заметить, что мне, например, как представителю журнала, пославшего это поздравление в редакцию, ничего о снятии подписи не известно, да и в печати нигде об этом не сообщалось, хотя надо предполагать, что, если, кто-либо и кого-либо по ошибке поздравил, то в первую очередь сообщается этому лицу, что, дескать, совсем его поздравлять

не собирался и, что, мол, меня, 28-летнего „мальчика", с револьвером в руках подписаться заставили. Насколько я знаю, у вольных казаков физический террор пока не проэктировался.

Напомню читателю журнала „Вольное Казачество" и хут. пр—ию, что пр—ие, которое в своем „бюллетене" как-будто не желает, чтобы кто-нибудь поздравлял редакцию журнала, п о т о р о п и л о с ь после своего избрания в этот для него „несимпатичный" журнал поместить свое поздравление (см. №. 73.). Политика весьма прозрачная. Пр—ие в своем письме будто поздравляет с Новым Годом только „станичников", редакции не касаясь (забыв, очевидно, о долге вежливости), но поздравление помещает в журнале „Вольное Казачество". И невинность соблюдена и капитал приобретен, как говорится. Действительно, вольные казаки, читая это письмо, подумают: „сочувствуют", а попробуйте пр—ию сказать, что оно „сочувствует", вам ответят: „Позвольте. Ничего подобного. Мы только через редакцию „Вольного Казачества" поздравили с Новым Годом „станичников", а редакцию н е п о з д р а в л я л и, так что не думайте о нас н и ч е г о п л о х о г о." Это, очевидно, применение своего „девиза", помещенного в №. 2 своего „бюллетеня": — „лучше помочь одному казаку стать на ноги, ч е м в ы я в л я т ь н е к о е п о л и т и ч е с к о е л и ц о, к о т о р о е в б л и ж а й ш е м ж е б у д у щ е м б. м. п р и д е т с я м е н я т ь."

Далее пр—ие студ. хутора пишет, что „Карпушкин доклада В. Т. Васильева совершенно не понял и не правильно поэтому его передал."

Очевидно этого доклада не понял и И. С. Алейников, атаман хутора, который потом оправдывался перед вольным казаком, что, дескать он, атаман, н е в и н о в а т в том, что г. Васильев пустился в политику. Накануне доклада обратил благосклонное внимание „лектора" на то, что доклад должен читаться в духе воспоминаний о павших вождях Казачества (как это делали в прошлые лета все лекторы) и просил в политику не пускаться и даже сам И. С. Алейников, по его собственным словам, во время лекции „сидел, как на иголках", а потому послал „лектору" записку весьма строгого содержания, приблизительно: „мало времени, прошу скорее кончить". Очевидно, что И. С. доклад понял точно так же, как и я, иначе он бы не оправдывался.

Пишется в „бюллетене" и о том, что „Карпушкин плохо разбирается в ориентации представителей казачьей общественности заграницей, иначе он не назвал бы г. Васильева эс-эром." Предположим, что и не разбираюсь, ибо меня русские партии совершенно не интересуют, но не важно то, кто читал доклад, а важно то, о чем его читал и, конечно, не пр—ию хутора меня учить, как надо понимать подобный доклад и к какой категории „казачьего представителя" приписать. Вот о пр—ии можно сказать, что не умеет даже черное по белому прочесть, ибо в моем сообщении совершенно не упоминается о речи священника и речи атамана, каковые речи, логически, к докладу не относятся. Действительно, и священник и атаман хутора говорили (хотя и весьма мало) о павших казаках, но о докладе г. Васильева этого сказать нельзя, что подтверждает и сам „бюллетень", в котором пр—ие хутора пишет: „... и вся п е р в а я половина доклада В. Т. Васильева была посвящена казакам героям". Может быть в дальнейших своих „бюллетенях" пр—ие хутора нам напишет, о чем говорил г. Васильев в д р у г о й половине своего доклада? Не понимаю, почему пр—ие студ. х. взяло на себя роль адвоката для защиты В. Т. Васильева.

Наивным является и такое пояснение в „бюллетене": „помощник атамана хутора н е и з в е с т н ы м автором (а в начале „ответа" написали, что автор — Карпушкин) обвиняется в том, что он ни душой ни телом не казак. Г. Шупрак плохо осведомлен: — станичник П. В. Яковлев коренной казак станицы Усть Медведицкой" и т. д. ... „такое обвинение п р о т и в о р е ч и т программе Вольного Казачества, признающей за всеми жителями (с 1 9 1 9 г о д а) Казачьих Земель одинаковые с казаками права."

Во-первых, уважаемое пр—ие плохо знает программу Вольного Казачества, иначе бы оно не написало такой абсурд, а во-вторых, разве я писал, что Яковлева лишаю всех казачьих прав и состояния? За фразу же, что Яковлев ни душой ни телом не казак, думаю, не надо было так отчаянно ходить на меня в своем „бюллетене" в атаку ибо, откровенно говоря: казачью оболочку не считаю телом казачьим, а что Яковлев душой не казак, это известно и самому атаману И. С. Алейникову, иначе он в период выборов пр—ия А. П. Алейникова не агитировал бы так яростно против кандидатуры Яковлева в пр—ие; очевидно имел к этому причины. Это лишнее доказательство применения своего „девиза".

Пределом грубости в „бюллетене" является то, что одну из моих фраз пр—ие называет „чисто большевистской". Благодарю покорно! Иначе говоря, Карпушкин — большевик, ибо порядочные люди обыкновенно, что думают, то и говорят. Это обвинение позволил бросить мне в лицо И. С. Алейников, как член пр—ия, а потому имеющий определенную долю (если не львиную) в составлении „бюллетеня", который не так давно называл коммунистов „нашими", восхищался их первомайской процессией, сопровождая ее, правда, по тротуару, на место митинга, собирался ехать в Сов. Россию, уверяя, что один советский профессор, будучи проездом в чешском политехникуме, обещал ему все устроить для беспрепятственного в'езда и найти „там" хорошее место. Пр—ие хутора с „большевистским" словом попало не по адресу. Советую пр—ию в другой раз употреблять подобные выражения осторожно, ибо для чего делать своему атаману неприятности.

В заключение пр—ие пишет, что „считает кощунством, пользуясь именем павших, сводить с кем-либо политические счеты. („Это относится ко мне, или к г. Васильеву-лектору?"К.). Если г. Карпушкин действительно любит Казачество и помнит его вождей, он не писал бы неправды, раз'единяющей Казачество, пользуясь ложной передачей всего, что происходило на сборе и панихиде." (О панихиде я ничего не писал, а сбора никакого не было, ибо не были соблюдены условия сбора — выборы президиума, так что был только „доклад"). На этот заключительный аккорд скажу следующее: Что касается политических счетов, то при всем желании не с кем их сводить. С пр—ием не могу, ибо, принимая во внимание „девиз" пр—ия, последнее, выходит, не имеет определенного политического направления, ну а с единомышленниками обычно политические счеты не сводятся.

О любви же к Казачеству писать не буду, ибо верю, что пр—ие студ. хутора Казачество любит, м. б. и больше, чем я, хотя известные факты заставляют весьма в этом сомневаться и предполагать обратное. Ведь ни при одном пр—ии не был такой массовый уход из хутора, который наблюдается теперь, когда во главе его стоит И. С. Алейников, так. что обвинения в раз'единении принять на себя никак не могу.

В заключение, возвращаясь к „докладу" г. Васильева в „День казачьей скорби", в кратких словах постараюсь об'яснить, каким образом „родилась" о мне „правдивая информация".

После моей заметки в журнале, И. С. Алейников созвал пленум пр-ия и ревиз. комиссии со всеми запасными членами. На этом заседании обсуждался вопрос, как поступить с автором заметки, который написал „явную ложь". Судили-рядили и нашли, что автор, собственно, не врал, а написал правду, но — как „выйти из положения"? Молчать, значит к автору присоединиться и тем самым обвинить г. Васильева, когда... Здесь молчок. И С Алейников сам знает, почему он решился на такой поступок, а посему не буду ему пока давать лишний козырь для того, чтобы подать на меня в суд, как это он собирается делать, забывая, что палка о двух концах. Потом на суде я договорю, а пока окончу и пожелаю И. С. Алейникову продолжать в том-же духе, как можно чаще применяя свой „девиз". Это — верное средство к „об'единению".

На редакцию „Кавказского Казака" за то, что поместило подобную „информацию-бюллетень", не сержусь, ибо много по свету всяких людей ходит, — разве редакция всех знает!

В. Карпушкин.

Памяти борцов.

В 12-ю годовщину трагической смерти казака-мученика Н. С. Рябовола, Общество Ревнителей Казачества в Париже отслужит панихиду по нем и всем казакам, принявшим смерть за волю казачью, в православной церкви в Биянкуре, 136 rue du Point du jour, в субботу 27 июня в 7 часов вечера (после вечерни). На другой день 28 июни в $2^1/_2$ часа дня в помещении на 64 rue Saint Dominique состоится торжественное собрание, посвященное памяти Н. С. Рябовола.

Помните братья-казаки, что Рябовол погиб в борьбе за лучшую долю казачью, а поэтому моральний долг каждого казака почтить его память своим присутствием как на панихиде, так и на собрании.

Правление Общества Ревнителей Казачества в Париже.

Новый казачий журнал.

День 2-го июня с. г. ознаменовался крупным событием казачьей жизни в Белграде — вышел в свет первый номер журнала Общеказачьей Студенческой станицы — „Единство". Станица отметила это событие устройством торжественного собрания, под почетным председательством Терского Войскового Атамана Г. А. Вдовенко.

Ровно в 7 час. вечера в помещение, где происходило собрание, уже наполненное казаками и казачками, пришедшими разделить со своей молодежью радость по поводу выхода журнала, было внесено станичное знамя и собрание началось. В своем вступительном слове Терский Атаман поздравил студентов с новым достижением и пожелал успеха их благому начинанию. Станичный атаман Н. Букин вкратце изложил историю возникновения журнала, отметил те трудности, которые пришлось встретить Правлению при его издании и ту поддержку, которую оказали ему казаки, даже не члены станицы.

После речи атамана были сделаны три небольших доклада — Е. А. Букановского: „Значение литературы для казачества", Л. В. Зверева: „Возможны ли развитие и расцвет казачьей литературы" и В. П. Курганского: „Мотивы и идеи казачьей литературы". Все три доклада обрисовавшие картину постепенного развития казачьей литературы, вызвали теплое сочувствие и одобрение слушателей.

После заключительного слова Б. Кундрюцкова были пропеты гимны и собравшиеся разошлись, унося с собой самое отрадное впечатление о деятельности казачьей молодежи.

Все имевшиеся налицо номера журнала были распроданы, чему не мало способствовала главная задача издательства — поддержка неимущих студентов.

(Соб. кор.).

Праздник кубанской станицы в Белграде.

В воскресенье 31 мая с. г. на первый день Троицы, согласно постановлению предыдущего станичного сбора, Белградская кубанская станица праздновала свой станичный праздник. В 2 часа дня в помещении „Русской Соколаны" был отслужен молебен, на котором, кроме членов станицы, присутствовал терский Войсковой Атаман Г. А. Вдовенко и много приглашенных гостей. На молебне пел недавно организовавшийся при станице хор. Благодаря энергии и умелому руководству регента А. П. Черного, хор оказался вполне на высоте своего положения.

В $2^1/_2$ ч. в том же помещении атаманом станицы П. И. Курганским был открыт торжественный сбор. Предполагавшуюся программу сбора пришлось сильно сократить, в силу того, что многие из присутствующих выразили желание посетить похороны 2-х старейших казаков Кубанского Войска — С. М. Гречишкина и Г. Ф. Шкуро, назначенных на то же время. После того как присутствующие почтили память усопших вставанием, атаман станицы сказал несколько слов о значении праздника для станицы. П. И. Кокунько сказал несколько слов о судьбе Казачества в прошлой России и затем началась программа, так же значительно сокращенная. Казачьи поэты Б. Кундрюцков и Н. Букин с одушевлением прочли свои произведения, вызвав громкие аплодисменты. Очень успешно прошло выступление небольшого симфонического оркестра студентов, под руководством Г. Л Зверева. В числе прочих вещей оркестр исполнил и казачьи гимны. 12-тилетний казак Виктор Бублик вызвал бурное одобрение своей декламацией. Но больше всего имело успех несомненно выступление А. П. Черного, исполнявшего казачьи песни под аккомпанимент бандуры.

Вечером того же дня во дворе помещения Кубанской канцелярии состоялась казачья хлеб-соль, затянувшаяся за полночь.

(Соб. кор.).

У калмыков.

17 мая 1931 г. исполнилось ровно 12 лет со дня смерти духовной главы донских калмыков, Ламы Борманжинова. Смерть эта была тяжкой утратой для всех калмыков, тем более для нас — духовенства, которое лишилось с его смертью великого учителя и руководителя. День его кончины ежегодно отмечается нами служением панихиды в хуруле. В этом году мы, духовенство в Сербии, служили в калмыцком храме панихиду. После панихиды, на которую пришло много калмыков мирян, за чашкой чая бакша Умальдинов познакомил нас с биографией и с некоторыми подробностями деятельности покойного. Бакша Умальдинов, как и я, относится к числу ближайших учеников покойного Ламы, который всю свою жизнь посвятил работе на пользу своего народа. Дай Бог, чтобы в будущем калмыцкий народ имел побольше таких сынов — водителей народа, как Лама Менько Борманжинов.

Санджи-Ракби Меньков.

Свято української армії.

(*Друкується на прохання Укр. Нац. Ради в Бельгії*).

Числа десятого б. м. в Брюселі відбулося справжнє свято Української Армії: відкрито Український Відділ при Королівськім Військовім Музею в Брюселі. Від двох років українська колонія в Бельгії працює над уладженням сего відділу. Насамперед довелося добути прінціпово згоду Дирекції на організацію відділу. То вдалося нетяжко завдяки питомій Бельгійцям безосторонности і незалежности духа. Більше того, Дирекція Музею добула дозвіл Міністерства Справ Закордонних, аби бельгійські легації в Варшаві та Празі перепроваджували в дипломатичних валізках річі, призначені для Відділу і які будуть їм передані в Польщі та Чехословаччині.

Далі українці почали шукати за потрібними річами. Постягано до купи все, що можна було знайти в Бельгії і що стосувалося до Української Армії. Але того було мало. Пороблено заходи перед Чехами та перед Поляками, аби роздобути зброю, муніцію тощо з того, що було колись забрано ними при інтернованні українського війська. Але головна, коли не єдина надія — на поміч українського громадянства і на власні сили.

Почалась писанина по всім пентрам, де лише були недобитки Української Армії, зверталося до генералів, простих жовнірів, установ, редакцій. Тому що Музей годився купити повну уніформу, зверталося до певних осіб, які її мали. Дуже часто сі певні і непевні особи зовсім не відповідали, инші обіцали і нічого не присилали, і лише меншість відповіла надісланням річей. Найцінніще надіслання надійшло від п. ген. Куща, якому кілька наших військових дали свої річі, відзнаки, трофеї, памятки з таборів, печатки, блянкети, образки. Де що куплено в крамниці Савули у Відні. Де що було зладжено згідно фотографіями місцевими заходами (кашкет, чоботи). Так зібралось матеріалу, аби виповнити велику вітріну. Нині в ній знайшли місце: манекен козака наддніпрянської армії, манекен галицького Січового Стрільця, зрештою манекен офіцера укр. армії. Навколо розложені: маска Петлюри, булава подарована В. Вишиваному Стрільцями, частини зброї, полкові печатки, військові журнали, на стінах висять портрети, ба-

тальни картини Перфецького, залізний хрест, пропамятна відзнака, грамоти на медаль, стратегичні мапи, таблиці, відзнак обох армій, наддніпрянської і наддністрянської і т. и.

Урочисте відкриття відбулося 10 Травня. На него було закликано всіх членів Т-ва друзів Музею, бельгійців, що цікавляться Україною, зрештою Українців. Сі останні з'їхались з провінції в доволі великій кількості. Публіка виповнила все вільне місце коло української вітрини, на чолі кілька визначних бельгійських військових. Свято почалось промовою Голови Укр. Нац. Ради в Бельгії, яка в імені цілої колонії провадила справу. В своїй промові Голова дякував дирекцію за симпатію і поміч а далі подав загальні відомості про Україну. Далі прийшла промова одного був. офіцира укр. армії яка предала цілий перебіг оружної боротьби за незалежність. На останку Директор Музея хвалився новим здобутком Музея і дякував українцям за їх старання. Гості з цікавістю придивлялись вітріні і розпитували про ріжні подробиці. По Святі українці гуртом зложили вінок на могилу бельгійського Незнаного Жовніра.

Щоби оцінити сей новий здобуток Українців на чужині, досить сказати, що Військовий Музей, прекрасно організований, притягає масу публіки і є для нас прекрасним місцем пропаганди. Тим паче, що в нім є заступлені лише державні нації, але і то не всі. Він є майже офіційною установою і Україна в ній представлена не гірше деяких узнаних держав.

(Учасник).

В Казакии.

Что делают оккупанты?

На посевном фронте.

На Кубани и Тереке сев заканчивается в нормальное время обычно не позднее половины мая по новому стилю. Перед нами сейчас лежат ростовский „Молот“ и екатеринодарское „Красное Знамя“ за вторую половину мая. Обе они в один голос вопят: „на посевном фронте тревога! Дезорганизаторов — сева к ответу!“ „В ударник сева пахать и сеять днем и ночью!“ „С большевицким упорством драться за полное выполнение посевных планов!“ „Все силы колхозов — на завершение сева пропашных! Позорное отставание в севе подсолнуха еще не ликвидировано! Кубанский, Чеченский и Адыгейский совхозы преступно затягитают сев пропашных“. „По единоличному сектору выполнено всего лишь 20—40 проц. задания“. „Сегодня дать темпы сева втрое выше, чем вчера!“

„Тревога“ далеко не напрасная: оказывается, что к 20 мая на Сев. Кавказе „осталось засеять еще $2^1/_2$ миллиона гектаров“ („Молот“, 20/V).

„Молот“ 18 мая в передовой, посвященной севу, характеризует положение вещей на 15 мая. Приводим ниже некоторые места из этой передовой:

„Во всем ходе посевной кампании в ряде районов нет еще боевых темпов. Выполнение краевого плана находится под непосредственной угрозой. Край выполнил задание второй колхозной весны лишь на 68,3 проц. (на 10 мая — 58 проц.). За 5 дней прирост засеянной площади составил только 10 проц.! Вместо полутора миллионов, как этого требовал Краевой Комитет партии, за пятидневку было засеяно всего 978 тыс. гектаров... Наступили дни и часы, решающие исход колхозной весны в крае. На каждой парторганизации, на каждом коммунисте, на каждом колхозе, колхознике лежит сегодня ответственнейшая задача — отвести угрозу посевной, с честью выполнить свой долг перед всей советской страной и партией.

В эти дни все внимание пролетариев и колхозников Северного Кавказа сосредоточено на отстающих районах. Пролетарии и колхозники Северного Кавказа с глубоким напряжением ожидают от отстающих районов резкого под'ема кривой сводки, наростания темпов полевых работ, выполнения боевых заданий сева.

Северный Кавказ имеет на-лицо все для того, чтобы добиться успешного выполнения посевной программы 31-го года. Высокий уровень коллективизации, укрепление колхозов, сплочение колхозного крестьянства — прочной опоры советской власти в деревне, — вокруг партии создают полную уверенность в том, что план весенней посевной кампании не только можно выполнить, но и перевыполнить. От партийных организаций требуется полное использование всех условий, всех рычагов массовой работы. Но, чтобы использовать все эти условия и рычаги, необходима прежде всего самая непримиримая борьба с оппортунизмом. Борьба за темпы сева есть борьба с кулаком, с его агентурой, с его правыми и „левыми“ пособниками. Овладеть большевистскими темпами посевной, это значит — нанести смертельный удар по кулаку, и по оппортунисту.

В южных районах началась прополочная кампания. Это значит, что условия завершения программы весенней посевной кампании значительно усложнились. Сегодня уже нужно не только вести сев, но и полоть. Сочетать выполнение обеих задач, обеспечить полный успех колхозной весны — в этом главнейшая задача руководства в районе и в колхозе. Сегодняшний день пред'являет новые, повышенные требования на качество руководства колхозным производством“.

А через четыре дня, в том же „М.“ из передовой узнаем, что теперь уже даже большевицкие приказы не действуют:

„Огромная ответственность лежит на Северном Кавказе в деле упорной и настойчивой борьбы за выполнение и перевыполнение посевной программы второй большевистской весны. Однако, из пятидневки в пятидневку не выполняются посевные задания, а времени осталось очень мало. Дни, часы решают исход посевной кампании в крае.

За последнюю пятидневку, с 10 по 20 мая, посеяно только 896 тыс. га, — меньше, чем в предыдущую пятидневку. Весь план по колосовым культурам выполнен на 95,6 проц. по пропашным: по подсолнуху — 72,5 проц., по кукурузе — 61,2 проц., по травам — 50,4 проц. Таким образом, имеется огромный прорыв по пропашному клину, занимающему большой удельный вес в общем плане яровых. Нависла самая серьезная угроза выполнению планов сева.

Для края, завершившего в основном сплошную коллективизацию, такое положение совершенно нетерпимо и абсолютно ничем не может быть оправдано.

Дубовской, Ремонтненский, Белоглинский, Медведженский, Изобильно-Тищенский, Верхне-Донской, Леоно-Калитвенский. Обливский, Тацинский, Павловский, Ново-Покровский, Баталпашинский, Ессентукский, Абинский, Северский, Лабинский район, Чеченская и Ингушская автономные области — вот кто держит весь край на низком уровне выполнения планов, на недопустимо медленных, растяпистых темпах завершения посевной.

Именно эти районы в ответе за неудовлетворительный ход сева. Именно к таким районам адресовано решение Краевого Комитета партии от 10 мая, в котором говорится „о неумении по-большевистски бороться против оппортунизма, за мобилизацию колхозных масс на выполнение посевного плана“.

Медлить нельзя ни одной минуты. Отсрочки нет и быть не может! Об'явленная краевая посевная эстафета должна привести все отстающие районы к полному выполнению и перевыполнению планов к 20 мая.

Мы вступили и в период прополочной кампании, а она еще не стала в центре внимания районных и сельских организаций. Между тем, особенно сейчас требуется бдительное внимание к пропашным культурам, требуется организация современной прополки. Состояние трав по краю обеспечивает в ближайшие дни возможность сеноуборки, которая требует принятия всех мер для полного выполнения плана покоса.

Больше, чем когда бы то ни было, нужно сейчас, в эти решающие дни окончания сева, организации прополки и уборочной кампании и сеноуборки, широко применить социалистическое соревнование и ударничество, еще больше практиковать межрайонный и внутрирайонный буксир над отстающими в севе. Все освобождающееся тягло, инвентарь, рабочая сила в районе, в колхозе должны быть немедленно переброшены в отстающие пункты, в порядке колхозной взаимопомощи.

Исключительное значение в пропашном клине имеет подсолнух, план которого недовыполнен еще на 27,5 проц. Несмотря на то, что климатические условия (выпавшие дожди) целиком позволяют полностью завершить план посева подсолнуха, имеются такие районы (Гигантовский), которые преступно прекратили сев подсолнуха, не выполнив плана.

Ни одного часа, ни единой минуты промедления! В ближайшие же дни полностью должен быть выполнен и перевыполнен план яровых посевов".

Угрозы сыпятся направо и налево и не только по отношению к отдельным лицам, но и по отношению к целым организациям: „Вся Ессентукская парторганизация в ответе за позорный прорыв в посевной кампании" („Мол.", 23/V). В передовой от 24/V „Молот" снова требует „заполнить прорыв":

„Передовые районы края, завершившие сплошной колхозный сев, напрягают свои силы на главнейших участках борьбы за социалистический урожай. В прополочные бригады, группы и звенья направлен весь районный, сельский и станичный актив. Начата подготовка к уборочной кампании — одному из ответственнейших хозяйственно-политических экзаменов.

Исправляя недочеты первых дней сева, ошибки в организации колхозного производства, в учете труда, сдельщине, передовики колхозного сева с большевистским упорством преодолевают трудности, сокрушают сопротивление кулачества и его агентов не на словах, а на деле борются за новые, более высокие качественные показатели организации крупного социалистического хозяйства...

Край с напряжением следит за исходом борьбы на полях за план сева. Все внимание приковано к отстающим районам, недопустимо затянувшим сев, преступно пропускающим последние сроки сева пропашных культур. Воронцово-александровцы требуют от каждого района перевыполнить программу колхозного сева. Гребование воронцово-александровских большевиков-ударников должно быть безоговорочно выполнено. В передовом крае сплошной коллективизации нет места для позорно отставших, все районы должны быть на передовой линии развернутого социалистического наступления по всему фронту.

Районы: Верхне-Донской, Леоно-Калитвенский, Ново-Покровский, Ессентукский, Павловский, Кашарский, Константиновский, Виноделенский, Гигантовский, Отрадненский, Баталпашинский, Благодарненский и Бело-Глинский! Вам воронцово-александровцы ставят в упор требование быстро завершить планы сева, доказать свое умение по-большевистски бороться против расхлябанности и всяких попыток разложения трудовой дисциплины в колхозах, нанести выполнением посевной программы смертельный удар кулаку.

От вас, отставших в севе и ставящих под угрозу общекраевой план весенней посевной кампании, — весь край требует большевистских темпов, решительной ликвидации всех прорывов, полного осуществления решений краевых руководящих организаций о колхозном севе"...

Однако, уже 26 мая „Молот" признает, что „край должен еще засеять свыше миллиона гектаров яровых". Выходит, таким образом, что между 20 и 26 мая засеяно около миллиона гектаров. Из этого миллиона гектаров, а тем более из остающихся еще незасеянными $1^1/_2$ милл. гектаров может получиться только то, что к осени большевики будут иметь черный пар. Но для этого нет никакой необходимости зря тратить семена. Тем не менее в передовой от 27 мая, „Молот" продолжает еще убеждать в необходимости продолжать сев:

„Буквально часы решают сейчас исход борьбы за первенство Северного Кавказа в выполнении весеннего сева. Оставшиеся миллион с лишним гектаров должны быть засеяны быстрейшими темпами.

Утроенной энергией поднимать кривую сева — это основная задача парторганизаций отстающих районов и особенно: Ессентукского, Павловского. Тихорецкого, Обливского, Баталпашинского, Медвежинского, Абинского, Северского, Дубовского, Изобильно-Тищенского, Верхне-Донского и Леоно-Калитвенского. Свое уменье по-большевистски драться за генеральную линию партии, парторганизации этих районов обязаны доказать конкретным делом — притти к финишу краевой посевной эстафеты с перевыполненной посевной программой...

В некоторых районах уже началась прополочная кампания. Прополка — важнейшее звено весенней кампании, требующее максимального улучшения качества руководства колхозным производством. Сочетать борьбу за завершение сева с прополкой с дальнейшей вербовкой бедняков и середняков в колхозы, — вот боевая задача. Именно сочетать, а не делать оппортунистической ставки на очередность.

Первые дни полки выявили ряд недостатков, которые должны быть немедленно устранены. Краевой комитет партии четко указал на необходимость „прикрепить полеводческие бригады (в крупных и средних колхозах) к засеянным участкам на срок не менее 1—2 лет с тем, чтобы последующая прополка, уборка, свозка хлебов на ссыпункты и другие работы производились, в основном, тем же составом бригады, тяглом и орудиями производства".

Белоглинский, Георгиевский, Темрюкский и другие районы пока еще не обеспечили выполнение полностью этого указания Крайкома. В одних колхозах этих районов по окончании сева посевные бригады вообще расформированы, в других — они на время полки распределены по соседним участкам в порядке „специализации", в-третьих же бригады сохранены, но не разбиты для полки на группы. Такое положение отрицательно сказывается на полке, на учете количества и качества труда колхозников, на правильном проведении сдельщины.

Огромную роль в прополочной кампании играет максимальное использование труда колхозницы. Крайком обязал районы шире практиковать организацию специально женских прополочных бригад. Но и это решение отдельными районами (Ейский, Сальский, Кореновский) пока еще далеко не выполнено.

Полка является одним из основных средств в борьбе за полновесный социалистический урожай, за конкретное выполнение договоров по контрактации. Вот почему внимание всей колхозной общественности должно быть сейчас приковано к работе по завершению сева и к задаче полного выполнения планов по прополке...

Сокрушая классового врага и его оппортунистическую агентуру, массовым развертыванием социалистического соревнования и ударничества во всех звеньях работы, максимальным использованием инвентаря, тягла, рабочей силы, четкостью в руководстве колхозным производством, сдельщиной и строгим учетом труда, парторганизации областей и районов края обязаны по боевому биться за успешное выполнение важнейших задач сегодняшнего дня — завершить сев, ударно переключиться на полку и сенокос, тщательно подготовиться и лучше провести уборку социалистического урожая.

На финансовом фронте.

Прорыв за прорывом. На посевном фронте прорыв на площади в $2^1/_2$ милл. гектаров. Не лучше, однако, обстоит дело и на финансовом фронте. (У большевиков везде фронты!) Екатеринодарский район, как известно, один из самых мощных районов Северного Кавказа. И тем не менее оказывается, что по выполнению финан-

Гонорар за настоящий номер не будет платиться никому.

сового плана он занимает у большевиков 91-е место из 99 городов и районов С. Кавказа. Большевики пишут, что причиною такого обстоятельства являются „оппортунистическая практика“ их чиновников, „отсутствие раз'яснительной работы, бездеятельность, ставка на самотек“. В действительности же дело сводится несомненно к тому, что на сильные районы накладывается непосильная ноша, их попросту грабят больше, чем другие районы. Передовая из „Красного Знамени“ от 27 мая призывает „смыть позорное пятно“ и до конца обобрать Екатеринодарский район:

„На исходе второй месяц второго квартала, а последняя сводка говорит нам о том, что вместо ликвидации допущенного в апреле и в первой половине мая прорыва на финансовом фронте, вместо ликвидации угрозы квартальному финансовому плану и город и, в особенности, район продолжают снижать темпы мобилизации средств, в результате чего, из 99 городов и районов Северного Кавказа Краснодар занял 62-е, а Краснодарский район — 91-е место.

Продолжают процветать ставка не самотек, оппортунистическая практика, оппортунистическая недооценка финансовой работы со стороны местных работников и организаций. Печатаемые нами сегодня корреспонденции из станиц вновь говорят нам о ряде безобразных фактов в этом отношении.

До сих пор руководящие организации станицы не сумели увязать работы по мобилизации средств с выполнением посевных планов, в степи не развертывается массовая кампания по мобилизации средств, а кулацкой агитации, направленной к срыву финансовых планов, не противопоставляется повседневная массово-раз'яснительная работа.

Дело доходит до того, что некоторые станицы совсем не имеют станичных комсодов, (Ново-Величковская), никем не контролируемые бригадные комсоды или распались, или бездействуют (Старо-Корсунская), никто не контролирует выполнение финансовых заданий кулацко-зажиточными хозяйствами (Ново-Титаровская).

Все эти безобразия творятся на виду у руководящих станичных организаций, которые перед лицом их продолжают благодушествовать.

Так дальше продолжаться не может, мы ни в коем случае не можем допустить срыва финансового плана второго кварталa, помня, что от выполнения этого плана зависит успешное разрешение задач третьего, решающего года пятилетки.

Мы требуем от районных организаций самого жестокого нажима на бездельничающих, благодушествующих, продолжающих оппортунистическую практику в работе по мобилизации средств. Мы требуем немедленного развертывания широчайшей массовой работы среди хлеборобских масс для мобилизации их внимания вокруг выполнения финансовых планов.

Прорыв должен быть перекрыт во что бы то ни стало. Квартальный финансовый план должен быть выполнен в срок безоговорочно. Район должен выйти из позорного хвоста.

Этого требуют задачи социалистического строительства, задачи третьего, решающего года пятилетки“.

На других фронтах.

Чтобы составить представление о том, что делается на многочисленных „других фронтах“ большевицкого хозяйничания в наших Краях, выпишим также несколько заголовков из „Молота“ от 3 сего июня.

На Шахтах: „Завоевать перелом“ (значит перелома нет). „До каких пор будут плестись в хвосте всего Донбаса шахты севкавугля?“ (значит — плетутся...)

На финансовом фронте: „Прекратить позорное отставание в мобилизации средств“ (значит — отставние есть...)

„По-боевому провести сеноуборку“. „Сеноуборка еще ие развернута“.

Из оперативной сводки промышленности за май: на Сулинзаводе „перелома нет“.

На Новороссийских цементных заводах „отстает помол“.

На фронте продовольственном: „Союзплодоовощь не организовал приемки овощей“ (в Краснодаре). „Тара не выкупается, овощи гниют.“ „Сохранить овощи от порчи“.

И т. д. и т. д.

Такой характер и „вид“ имеет каждый номер „Молота“ или „Красного Знамени“.

„Васюринская и Ново-Мышастовская срывают полку“:

Прошедшие дожди значительно уплотняют сроки прополочной кампании. Между тем, массовая прополка в районе разворачивается неудовлетворительно. Прополка до сих пор идет слабыми темпами даже в тех колхозах, которые, в основном, закончили сев пропашных культур.

В колхозе „Красный Партизан“ ст. Васюринской из 6.441 га, подлежащих прополке, прополото только 150 га, что составляет 2,3 проц. задания. Не лучше идет прополка и в ново-мышастовском колхозе им. „Правды“, где прополото только 325 га, составляющие 4,8 проц. плана. Так же сильно отстает по прополке колхоз „Большевик“ ст. Ново-Титаровской, выполнивший план прополочной кампании лишь на 6,8 проц. Прополото 442 га, а надо прополоть 6.499 га.

Во всех этих колхозах плохо организован труд прополочных бригад, отсутствует массово-раз'яснительная работа среди колхозников о важности окончания прополочной кампании в срок, слабо привлекаются к прополке колхозницы. Процент выхода колхозников на прополку едва доходит по некоторым бригадам до 50, а в васюринском колхозе „Красный Партизан“ выход колхозников на прополку составляет 35 проц.

Правления этих колхозов неумело расставляют рабсилу. Помимо того, с полной нагрузкой не используовываются имеющиеся культиваторы. Часто и в бригадах культиваторы лежат без дела, а прополка междурядий пропашных культур ведется вручную.

Такое положение с ходом прополки, за некоторыми исключениями, можно наблюдать почти по всем колхозам района. В виду этого общерайонный план прополочной кампании по неполным сведениям выполнен всего на 15 проц.

Сокращенные дождливой погодой сроки прополки требуют постановки всей работы на боевую ногу. Надо максимально использовать каждый день с тем, чтобы уложиться с прополкой в сроки, установленные планом. Надо ударить по кулакам и их подпевалам, оппортунистам, срывающим план прополочной кампании.

(„К. З.“ 30 мая).

„Горе-организаторы.“

На-днях организации гостипографии им. Лиманского решили произвести выезд рабочих на пригородное хозяйство для помощи в проведении прополочной кампании. Серьезной подготовки к этому проведению не было и поэтому выезд прошел безобразно плохо.

Из выделенных для выезда 153 человек явилось только 97, которые и выполнили только около 11 гект. бахчи. Качество полки было низким. Часть рабочих покинула поле, не дождавшись окончания работы.

Помимо этого, был еще целый ряд неувязок в распределении участков работы. Пригородное хозяйство также не сумело подготовиться к встрече рабочих. Проводников выслано не было. Тяпки выданы совершенно не точеными. Снабжение рабочих питьевой водой и продуктами питания было поставлено из рук вон плохо.

Все это говорит о том, что организации типографии подошли к проведению выезда по-формальному и массовой работы вокруг него не развернули.

Ошибки типографии должны учесть все остальные предприятия. Горсовпроф в свою очередь должен принять соответствующие меры к горе-организаторам выезда.

(„К. З.“ 31 мая.)

Розыски.

Редакция „В. К.“ просит сообщить адрес джигита И. К. Сопильняка для передачи ему письма.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казаки!
Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930. Tiskem knihtiskáře A. Fišera. Praha-Strašnie č. 289.